

A close-up photograph of a man's muscular back, showing the trapezius, latissimus dorsi, and triceps muscles. The lighting is dramatic, highlighting the contours of the muscles. The background is dark with some bokeh light effects.

ДИАНА БИЛЫК
ОЛЬГА КОРОТАЕВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

НЕВИННАЯ ДЛЯ ЛЮТОГО

Игры богатых

Диана Билык

Невинная для Лютого

«Автор»

2020

Билык Д.

Невинная для Лютого / Д. Билык — «Автор», 2020 — (Игры богатых)

Моя невинность продана. Моя судьба предрешена. Но я счастлива, что вырвусь из душной отцовской клетки, выйдя замуж за красивого и влиятельного мужчину. Но в день свадьбы мою жизнь разбивают вдребезги. Я досталась тому, кто готов только мучить. Тому, кто затаил злобу и решает через меня отомстить отцу. Как остаться собой в лапах Лютого врага и научиться любить несмотря на то, что сердце кровоточит? Можно читать как однотомник!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	28
Глава 12	31
Глава 13	33
Глава 14	35
Глава 15	38
Глава 16	40
Глава 17	42
Глава 18	44
Глава 19	46
Глава 20	49
Глава 21	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ольга Коротаева, Диана Билык

Невинная для Лютого

Глава 1

Ангел

Платье потрясающее!

Пышная многоярусная юбка из натурального шелка украшена искусной вышивкой с камнями. Любое мое движение отражалось бликами-зайчиками на стене. В ушах серьги от лучшего ювелира нашего города. При поворотах головы стразы на тонких золотых нитях нежно касались шеи и щекотали кожу, вызывая мурашки. Корсет обхватывал талию так плотно, что было трудно дышать, но я готова это потерпеть. Ради красоты, конечно. Ведь она требует жертв.

Зато тугой лиф приподнимал и визуально увеличивал мою не особо пышную грудь. В доказательство симпатичный охранник отца уже полчаса не мог оторвать взгляда от моего декольте, часто облизывая пересохшие губы. Дурачок, папа же выбросит его после этого на улицу.

Но ощущать его жадный взгляд было приятно. Щекотало нервы, заставляло сердце биться быстрее, а губы держать порочно приоткрытыми, чтобы глотать терпкий воздух моего триумфа.

Неужели сегодня ночью я буду чувствовать такие тесные мужские объятия, что корсет покажется шифоновой накидкой? Неужели я стану женщиной? Сбудется всё то, о чём мечтала! Сколько часов и одиноких вечеров просиживала в пустом огромном доме и, вчитываясь в любовные романы, безумно желала попасть на страницы книг. Испытать такую же страсть, так же сгорать от желания, как сгорали героини. Найти такую же безумную любовь и истлеть в ней.

Мой стилист, облаченная в оранжевый строгий костюм, порхала вокруг меня, как пчелка Майя. Пока я любовалась собою в зеркале, женщина пыталась приручить вредную светлую прядь моих волос. Локон упорно выskalывал из сложнейшей прически на щеку, сколько помощница не пыталась его запихнуть обратно. Такой же вредный и несломленный, как я.

На создание этого шедевра ушло три часа, я почти прилипла к стулу, хотя на мой взгляд распущенные волосы смотрелись бы эффектней и эротичней. Да и что таить? Я-то знала, что стилист банально выёживается, снова и снова потряхивая надо мной своими тощими пальцами, потому что с моим фасадом всё в порядке. Лишняя мишура и телодвижения – это чтобы отработать деньги, которые ей заплатил отец.

Я была похожа на модель из гламурного журнала, даже дизайнерские туфельки при каждом движении слепили глаза от обилия камушков Сваровски.

Поправив мягкую юбку, пытливо посмотрела на отца:

– Я красивая, папа?

Он оторвал взгляд от планшета и сухо кивнул:

– Выглядишь на миллион, дочка, не меньше.

Стилист просияла от этих слов и наконец-то перестала мельтешить перед глазами, а секретарь Эля, селедка в жакете от Воронина, согласно закивала и прочистила горло.

Со стороны коридора послышались голоса, сердце подскочило под горло. Я повернулась к выходу и задержала дыхание.

Раздался настойчивый стук в дверь, отец строго посмотрел на охранника. Тот, кашлянув, поспешно отвёл от меня взгляд и распахнул створки.

Впуская визитёров, мужчина отодвинулся и снова бросил на меня голодный взгляд.

Не твоя я птичка, не твоя.

Я осторожно изучила невысокого седого господина, в чертах которого было нечто хищное и пугающее. То ли цепкий взгляд, которым он осмотрел меня, то ли подрагивающие, будто у голодного тигра, губы, что обнажали зубы в фальшиво-приветливой улыбке. От одного вида будущего свёкра у меня спина похолодела. Но не все дети похожи на своих родителей, мой будущий муж совсем другой, уверена. К примеру, я с папой – полная противоположность Я пламя, а он лед.

Когда я посмотрела на молодого человека, что возвышался рядом со старым хищником, захотелось улыбнуться. Григорий Носов – мой жених! Такой красавчик, что дух из груди выбивает от одной мысли, что будет моим, ведь за ним полстраны сохнет.

Высокий, мускулистый, зрелый и видный. Чёрный костюм на нём сидел отменно, будто влитой! Белозубую улыбку подчеркивала хрустящая снежная рубашка, что выглядывала из-под борта пиджака, а прямой открытый взгляд голубых глаз покорял и добавлял мне уверенности, что все будет хорошо.

Жених слегка развернул плечи, будто бахвалясь и выставляя себя напоказ. Поджарый, спортивный, не удивлюсь, если в школе он был капитаном баскетбольной команды. Светлые волнистые волосы переливались золотом, а в мочке уха сверкала аккуратная серьга. Модный, молодой, горячий.

И с ним я сегодня стану женщиной. Разорву преграду, что сковывала мои мечты душевной обязателькой – хранить чистоту до свадьбы. Разве не прекрасный день начать счастливую семейную жизнь?

Григорий смотрел на меня прямо и откровенно, сверкая влажными глазами. Будто я долгожданный приз, к которому парень шёл годами мучительных тренировок. Это было так приятно, что резко потеплело в животе и защеботало между ног.

Интересно, хорошо ли Гриша целуется...

Я люблю целоваться! Жаль, у меня это случалось редко да и с теми, кто был по статусу мне не позволен. Пареньки из лица папу не устраивали, а с моих семнадцати лет у него появился план объединения двух бизнес-кланов, чтобы владеть не только городом, но и миром.

– Вы приготовили то, что я просил? – скрипуче спросил Носов-старший и властно посмотрел мне в глаза.

Я ощутила, как к лицу прилило тепло. Не хватало ещё покраснеть! Но что делать, если Носовы потребовали подтверждения моей девственности перед браком?

Отец кивнул секретарю, и Уля, что стояла у его правого плеча, шагнула к гостям, протягивая подготовленную папку.

Глава 2

Ангел

Я старалась дышать ровно, не дрожать и не ерзать на месте, чтобы пережить этот неловкий момент. Зато потом Григорий заберет меня к себе, и ничего не будет мешать нашему счастью! Мне кажется, что я смогу его полюбить больше жизни. Ничего, что сейчас мы друг друга почти не знаем.

Завтра же отправимся в свадебное путешествие, знакомиться теснее, а отцы пусть разбираются со своим бизнесом. Больше я к этому иметь отношения не буду.

Впереди меня ждали священник, брачная клятва и страстный тропический остров – Ибица! Ю-ху!

И тут случилось нечто, что заставило меня не только покраснеть, но и поджать губы, стиснуть кулаки и топнуть каблуком.

– Это всего лишь бумажка, – отбросил папку господин Носов, даже не открыв ее, и наморщил дряблый лоб. – Нам нужны другие доказательства. Ее посмотрит мой человек.

Он слегка наклонил голову, желтый свет люстры скользнул по его выстриженным седым вискам. Делая его каким-то мрачным и безумным.

– Яна Валерьевна, зайдите, – бросил он громко через плечо.

Дверь приоткрылась, и в гостиную заглянула кудрявая темноволосая женщина.

– Что ты выдумал? – встал в защитную позу отец.

– Это маленькая проверка. Я не доверяю бумажкам, – Носов прищурился так, что я едва удержалась от судорожного вздоха и рывка назад, в свою комнату. Банально хотелось сбежать, но я перевела взгляд на жениха и успокоилась. Григорий мило и лукаво улыбался, безмолвно обещая подарить мне сладкую первую брачную ночь.

– Она уже в платье! – снова попытался отказаться отец, но партнер остановил его ладонью.

– И что? Ноги раздвинуть не сможет?

– У нее же прическа, – заскулила стилист.

Носов бросил на нее пренебрежительный взгляд, женщина, вмиг потупившись, попятилась к двери. Будущий свекр прошел по гостиной к глубокому креслу, вольготно уселся и, как хозяин положения, закинул ногу на ногу.

– Или так, или никак, – мужчина посмотрел на свои жилистые руки, а потом бросил на меня сальный взгляд, от которого я едва не вскрикнула. – Хочу знать чиста ли твоя красавица, как обещали, или ее кто подпортил. Ты со своими миллиардами и не такую бумажку купить можешь. Так ведь, Кирсан?

– Я... – я задохнулась от его нахальства и обвинений на пустом месте, а отец молча буравил Носова взглядом.

Обвинения не прозвучали вслух, но подразумевались. Хотелось пискнуть, что не спала ни с кем, сдержала обещание, данное отцу и жениху, но Носов криво усмехнулся и, пресекая реплику отца, жестко добавил:

– Потому что неделю назад видели твою ненаглядную с каким-то хлыщом в обнимку.

– Да это же просто поцелуй! – все-таки взвизгнула я.

– Цыц! – поднял ладонь отец. – Проверяйте, – и поспешил вон из гостиной.

– Ну папа! – опешила я, но слова рассыпались о его широкую сгорбленную спину.

– Молчи, Ангел, – скрипнул он, не обернувшись. – Делай, что говорят.

Нас с женщиной оставили наедине, но я знала, что мужчины за дверями ожидают вердикт, и от этого было плохо. Стыдно и обидно. Я ведь хранила себя, зачем меня так унижать? От этого колотило и бросало в холод, словно меня ледяной водой облили.

– Ложись, Ангелина. Я быстро, – женщина ловко надела перчатки и выставила руки вверх.

Я осмотрелась. Из вариантов, куда лечь, было только кресло и папин кожаный диван. Выбрала диван. Пришлось сжать зубы и осторожно присесть на край, подтянуть к себе слои платья и откинуться немного назад. От стыда у меня горели щеки. От странного тянущего предчувствия под ребрами сдавливало сердце.

Я не поддамся этим страхам, ничего такого не случится от проверки.

– Ангелина, – покладисто улыбнулась врач. – Нужно снять белье.

Я подхватила и быстро стянула ажурные трусики, сжала их в кулаке и снова легла.

– Ноги шире, подхвати колени.

Пришлось послушаться, хотя обида стояла под горлом и не давала нормально дышать.

Прохладные от геля пальцы скользнули внутрь. Я невольно сжалась, испытывая неприятное распирающее. Женщина наклонила голову, аккуратно прощупала меня внутри, а потом встала.

– Все в порядке, одевайся.

Перетерпеть минуту позора просто, но знать, что тебе до конца не доверяют, оказалось ниже моего достоинства. Я едва не заплакала, сдержалась на остатках воли и веры в лучшее.

Это же Носов-старший не доверяет! Григорий не такой. Он хороший.

Глава 3

Ангел

Когда Яна Валерьевна покинула комнату, я выдохнула с облегчением. Стыд, сковавший грудь, отступал медленно. Я даже растягивала время одевания, чтобы успокоиться.

Прибежала стилист и заплясала вокруг меня, сетуя на то, что я сильно помяла прическу. Та пофиг на прическу, ну серьезно. Меня унизили, а ей какие-то букли важны. Но ничего, я этот позор переживу, больше этот седой старикан меня не обидит, Гриша будет защищать от всех невзгод.

Я пойду с гордо поднятой головой навстречу новым чувствам.

Убедившись, что выгляжу если не на миллион то на пару сотен тысяч баксов, женщина, наконец отпустила меня на церемонию. Я приблизилась к отцу и, ступая по ковровой дорожке, мы направились к ожидающему нас у крыльца белоснежному лимузину.

Носовы поехали в церковь впереди, как и задумано по плану свадьбы. Наша машина отправится следом.

Торопиться некуда: Григорий должен ждать меня у алтаря.

Папа тихо извинился, прошел немного вперед, чтобы поговорить без свидетелей по телефону. Я улыбнулась и легонько прикусила губу. Чтобы отвлечься от произошедшего, размечталась о первом поцелуе, но тут стилист преградила дорогу осуждающе посмотрела на меня.

– Анджелина, не кусать губы, помада расмашется, – на ломаном от волнения русском завопила стилист и вскинула руки. Где ее папа купил, догадаться не сложно. У отца в Америке большой бизнес. Часто мотается в Нью-Йорк, оттуда и эту пчелку Майю привез, подозреваю, что не только для того, чтобы меня одевать и украшать.

– Э-э... – я скривилась. – Подскажите, как вас зовут?

– Шейла, – отозвалась женщина и поникла. Обиделась, что я не запомнила ее имя?

А зачем мне запоминать имя человека, услуги которого требуются лишь раз в жизни? Да и я с трудом представляла, чем они занимаются с отцом, когда остаются в его кабинете одни. Это было противно. Она мне не нравилась, и маму мне не заменит.

– Шейла, – коротко усмехнулась я, – под вашим «шедевром» спрятано настоящее сокровище, которое трудно чем-то испортить.

Мне и так досталось, не хватало ещё, чтобы стилист на меня кричала в день, который должен стать самым счастливым.

Женщина коротко поджала губы, а я направилась к лимузину. Папа наверняка уже жаждался, а он этого не любит.

Я почти дошла до края дорожки, как вдруг совсем близко раздался свист тормозов. Поднялись крики и такой грохот, что уши заныли. Вскрикнув от страха, я сжалась и попятилась назад, но тут же, сбитая с ног, упала навзничь и перекатилась на правый бок. Жёсткий ворс ковра больно впился в нежную кожу щеки, сверху на меня что-то рухнуло, да такое тяжёлое, что не получалось вдохнуть.

Я приподняла голову и с ужасом отпихнулась, увидев перед собой рваный оранжевый жакет и женщину с широко распахнутыми остекленевшими глазами.

– Шейла, – шепнула я.

Но стилист никогда уже не поправит мой макияж.

– Ангелина, не двигайтесь, – услышала я хриплый шёпот. Кто-то оттащил тело стилиста в сторону.

Пока я хватала воздух губами, чтобы осознать, что не сплю, охранник отца накрыл меня своим телом и, вытащив пистолет, тревожно осматривался. Люди истошно кричали, воняло

гарью и копотью, над головой в черное небо взлетали яркие искры пламени. Это горит наш дом? Я украдкой из-под большого мужчины выглянула на лимузин. Там же отец! На нас напали?

Кто? Зачем? Жив ли папа?

Что-то мерзко шмякнуло над головой, и по щеке потекло нечто горячее, резко контрастирующее с холодным августовским вечером. Я машинально стёрла каплю и с удивлением посмотрела на испачканные алым кончики пальцев. Сердце пропустило удар, когда тяжесть тела охранника, прижимающая меня к земле, пропала.

Я хотела закричать, но не смогла. Грудь сдавило корсетом ужаса, а в горло набились гвозди страха.

Неожиданно меня подкинуло вверх, выбив напрочь дух. Я закричала, будто прорвало плотину, но тяжелая рука запечатала вопль и до боли сжала лицо.

– Молчи, иначе хуже будет, – рыкнул кто-то басом на ухо. Меня прошило сквозным ужасом. С трудом до меня доходило, что это покушение или убийство, а я умирать не хотела. Потому когда давление со рта ушло, снова закричала:

– Папа! Помогите! Папа, пожалуйста! – я заколотила спину похитителя, будто из камня сделанную, и задрыгала ногами. – Папа! Пустите! Пустите меня! Помогите... – взгляд скользнул по ковровой дорожке и замер на лице моего охранника. На его белоснежной рубашке расцвел багровый цветок, а глаза застыли в одном положении и больше не закрывались.

Этого просто не может быть! Мне снится кошмар!

Попыталась снова вырваться, но меня встряхнули и, подняв над землёй, перекинули через плечо.

Я словно в стальные тиски попала! Приподнялась, напрягая пресс, и увидела других охранников отца. Один из них целился в моего похитителя, но появившийся рядом отец двинул его рукоятку пистолета.

– Попадёшь в Ангелину, идиот!

– Пустите! – отчаянно вырывалась я. – Папа! Папа! Спаси! Папа...

Нас окружили незнакомые мужчины, а тот, что тащил меня, был просто огромен, ловко перебежал через трупы и обломки. Как гора, но живая, быстрая и беспощадная. От него тянуло порохом и кровью. Я не оставляла попытки вырваться: царапалась, билась, даже пыталась укусь его, но убийце мои старания были, как комариные укулы. Он даже не реагировал. Я просто в западне его лап.

Мужик молча скинул меня с плеча и одним движением запихнул в чёрный автомобиль с тонированными стёклами. Не церемонясь, что сломаю шею от его броска. Я вжалась в угол и подтянула к себе разованное и залитое чужой кровью свадебное платье.

Нападающий, как кобра, бросился за мной и завис в сантиметре от моего лица. За его спиной появился еще один мужчина в черном. Хлопнула дверь, отрезая меня от голосом и шума.

– Пришло время платить, Кирсанов, – зарычал первый мужик-гора.

От вида шрама через всё его лицо, что начинался в уголке крупных губ, тянулся до уха и расчерчивал полосами висок и край темечка, у меня похолодело в животе. Весь в чёрном, сам страшнее смерти. Короткие волосы цвета вороньего крыла, массивная челюсть, желваки звериные, ходящие ходуном, мощная шея и руки, способные убивать одним движением. Он переломает меня и даже не вспотеет.

Я застыла, пригвожденная его тяжелым взглядом.

Что будет дальше? Убьет быстро или помучает?

И когда он сцапал мой подбородок и потянул на себя, я поняла, что все-таки меня ждет последнее.

Поцелуй был горьким, яростным, как будто мне в горло заливали отраву и заставляли глотать-глотать-глотать.

Я пыталась выкручиваться, отталкиваться, ломала ногти, сбивала пальцы, но не хватало сил даже сдвинуть с места этого подонка. Когда яд добрался до груди и сжал грудную клетку, мужчина резко оторвался и проговорил в сторону:

– Снимаешь?

Машина сорвалась с места, а я успела рассмотреть другого мужчину, что сидел напротив и направлял на меня глазок камеры.

– Да, – коротко ответил он и растянул грязную улыбку.

И тут мужик со шрамом и страшными глазами рванул на мне корсет. Я не успела и пикнуть. Разодрал его на части одним движением, оцарапав кожу и обнажив меня по пояс.

Глава 4

Ангел

Большая ладонь смяла грудь, а живая гора накренилась и вжала меня в сидение. Я попыталась закричать, но мужчина напал на губы, протолкнул что-то круглое между зубов, заставив глотнуть, и терзал меня глубокими-бешеными поцелуями, пока я не почувствовала странные горячие волны внизу живота. Это было унижительно, но я не могла себя обманывать. Что-то попало в кровь, заставляя меня сжиматься от жажды и желания.

На языке катался сладко-горький вкус, а по телу метались непривычные искры и молнии.

– Ты будешь довольна, обещаю, – сухо засмеялся мужчина, поднял рывком юбки и вклинился между ног. – Ты же для этого себя хранила? Мечтала о первой ночи, ласкала себя до трясушки, – белье затрещало, а что-то твердое и шероховатое прогладило меня там, где десять минут назад побывали пальцы гинеколога. Я со всей силы сжала ноги, но снова была вдавнена в сидение. Сильные руки развели мои бедра так порочно, что я задергалась сильнее, но только причинила себе еще больше боли. Урод со шрамом нажал на них так, что засхрустели кости, а мышцы едва не полопались от напряжения.

– Продать тебя подороже теперь не получится, – съязвил похититель, нагло и торопливо потирая складочки, причиняя невыносимые новые для меня ощущения. Я хотела, чтобы было неприятно, но волны жара наплывали с такой скоростью, что, казалось, еще миг, и я взорвусь.

– Разрумянилась, м-м-м... Да ты горячая штучка. Возбудилась даже раньше, чем таблетка подействовала.

Это не может быть настоящим. Это мне снится. Это просто сон. Страшный, Грязный. Не хочу так!

– Нет, – с трудом пролепетала я, – не хочу... Пожалуйста, не надо!

Я понимала, что кричать бесполезно – даже если кто услышит, что толку? Меня похитили с собственной свадьбы и не только собирались изнасиловать, но ещё и заснять это. Уроды!

От шероховатых пальцев, что массировали меня внутри, плавно и мягко, я вдруг начала постанывать. Сцепила зубы и замотала головой, я не могу это чувствовать, не хочу!

От мысли, что сейчас со мной сделает это чудовище со шрамом, в груди всё замирало. Сердце прекращало биться. Вот бы так и случилось, чтобы не испытывать этот кошмар, не плавиться от незнакомых искусственных ощущений. Я не могла ничего противопоставить насильнику, которого толком так и не назовешь, потому что я горела под его руками, и у меня не было сил сопротивляться. Как ни пыталась оттолкнуть мужчину, он давил-мял-ласкал, заставлял чувствовать себя ничтожеством.

От отвращения и ужаса меня затошнило, и я пожалела, что ничего не ела с утра. Хотела же казаться стройнее. Вот бы меня вырвало на этого ублюдка!

А этот гад просовывал пальцы туда, где кроме гинеколога меня никто не трогал, и от омерзения сводило челюсть, а бедра раскрывались и подавались к нему навстречу. Разогретые умелыми руками складки вопреки моему желанию покалывали от наслаждения и покрывались еще большей влагой.

Между ног хлопнуло, и я услышала смешок. Хотела крикнуть, что это гель, с которым меня осматривал врач, но мужчина навалился на меня, вжимая в сидение так, что потемнело в глазах, и безумные ласки его пальцев вдруг прекратились. Я вздохнула с облегчением. Хотя показалось, что застонала, умоляя продолжить. Сумасшествие! Он меня накачал чем-то, вот же подонок!

Увы, облегчение было недолгим. Вместо пальцев в мои складочки ткнулось нечто большое и горячее, и стало страшно. Даже под пулями я не боялась так сильно.

– Папа! – из последних сил закричала я, пытаюсь вывернуться из стальной хватки рук. – Папа, спаси меня! Папа! – осипший голос провалился в плаче и истерике.

– Потерпи, невинная... – шепнул урод на ухо, – и придавил меня собой.

Весь мир растворился в дикой боли между ног, в агонии, что накрыла меня с головой. Казалось, меня сейчас просто разорвёт, и я умру от болевого шока.

– Папа? – плавно входя в меня глубже, отдавая боль, спросил Шрам. Его лицо исказилось от ярости или страсти, стало еще страшнее, чем было. Огонь, что разошелся по крови ядом, сосредоточился между ног, заставил меня впиться ногтями в мощные плечи, пробить его кожу до крови. Мужчина качал нас и гневно-отчаянно говорил: – Тот папа, который решил, что правит миром? Тот, который хотел продать тебя Носову, как последнюю шлюху? – Шрам сжал мои бедра, потянул на себя и захрипел в волосы, надавливая с напором: – Просрались папины денежки, ты теперь бракованная, – басисто и довольно сказал урод. От его толщины и тепла внутри меня пламя прокатилось по телу и замерло в горле бесстыдным криком. Я выгнулась, сотрясаясь под Шрамом, и разорвалась на тысячи мелких кусочков. От унижения, от того, что не могла сопротивляться действию гадости, что мужчина заставил меня глотнуть.

– О, да... Пусть этот сладкий миг останется в твоей памяти навечно, – зарычал с последними толчками Шрам и глухо застонал надо мной.

Задрожал конвульсивно, взрывая новые волны боли в паху, в груди, везде, а потом огонь стал глубже, сильнее, растворился в горячей влаге.

Шрам резко отодвинулся, вжикнула молния, меня потянули за плечи, заставляя встать. Темнота плясала перед глазами и мерцала черно-красными точками, между ног невыносимо горело, и от глухой боли, и от оргазма, будто я всю ночь, как шлюха, ублажала мужчин. Машина остановилась, и меня бесцеремонно выставили на улицу.

– Передай папочке привет от Лютого, – вякнул вслед урод, и мои ноги подогнулись. Я рухнула на колени и зарыдала.

Хлопнула дверь, взревел мотор, поднялась пыль, песок застелил глаза, а я не могла шевельнуться, сидела, уткнувшись лицом в ладони, глотая унижение.

Колени жгло, но это было неважно. В меня будто налили адского пламени – между ног словно сотни тысяч углей разом вспыхнули и стали плясать. Я уткнулась лицом в асфальт, тихонько завыв от безысходности.

– Ангелина! – словно сквозь вату донёсся крик. – Вон она!

Словам, будто музыка жуткой песне, вторили звуки полицейских сирен. Я сжималась от стыда, прикрывала руками разодранный лиф, пыталась спрятать потеки на внутренней части бедер и прикрывала лицо ладонью, чтобы зеваки не снимали меня.

Охранники отца оттеснили людей. Меня подняли на руки, над ухом прозвучало:

– Ангел, мой... Девочка! – Голос отца дрожал. – Ты жива...

– Папа, – слабо прошептала я и обвила руками его шею. – Па-па-а-а...

– Ничего, – шептал отец, неся меня к свету, – всё будет хорошо, детка. – И крикнул яростно: – Костя, машину! В больницу, немедленно! Проклятые зеваки... А ну, в сторону, или я прикажу стрелять! – И чуть погодя: – Огонь!

Раздались выстрелы в воздух, испуганные крики, визги... А я, прижимаясь к шее отца, беззвучно плакала, как птица, у которой обрезали крылья.

Глава 5

Лютый

– Папа, помоги! Папа... – кричал мой трехлетний сын голосом Кирсановой, пробивая огненной стрелой виски.

Блядь! Я открыл глаза и уставился в потолок кабинета. Сжал пальцами голову, надавливая на лоб. Какого хуя меня ее образ и голос преследует? Два месяца прошло. Испытываю раскаяние? Хрена с два! Пусть скажет спасибо, что я ее не придушил!

Диван жалостливо заскрипел, когда я скинул ноги на пол и выровнял спину. Последнее время совсем собой не владею, хочется либо кого-то прибить, либо бухать по-черному. А все скотина Кирсанов!

Опустив голову, я провел пальцами по коже. Подушечки нащупали уродливые шрамы – память о том дне, который никогда не смыть из памяти. Ни мстью, ни возмездием, ни временем. Ни-чем. Надругательство над дочерью врага – слабое облегчение, маленький глоток воздуха в грудь наполненную густой смолой. Я не жалел, но внутри что-то царапало, разливало по горлу горечь. Когда-то я был другим и никогда бы не позволил себе пасть так низко. Когда-то...

А сейчас я буду уничтожать. Буду гнобить тех, кто причастен к смерти Милы. Буду дышать и жить дальше только ради того, чтобы найти моего мальчика. Буду верить, что он еще жив. Если жив, найду. Умер – убью-растерзаю всех, кто к нему прикоснулся.

– Лютый, к тебе можно? – осторожно заглянул в кабинет Слава. Он дождался моего кивка, прокрался внутрь и встал на достаточном от меня расстоянии. – Есть новости по Кирсанову. Связной прислал, – протянул мобильный, и я заметил, как подрагивают тощие руки охранника. – Только посмотри сам. Я пойду?

– Стоять! – почти гавкнул я. Подчиненный аж побелел от моего рева.

Всех приближенных пугал мой вид. Я привык, что они боятся, хотя жутко раздражало, что рядом находятся дряблые неспособны.

– Что там? – я развернул горизонтально экран и нажал «плей», едва попав большим грубым пальцем по значку.

Видно было плохо. Ракурс неудачный, но Связной и так изворачивался, как мог, чтобы достать мне информацию и не спалиться.

В камере мелькнуло сухое лицо Кирсанова и сутулая фигурка девчонки, которую я... Сука, да не жалею я, что сорвал свадьбу и так жестоко с ней обошелся! Ни грамма. Пусть папочка ее жалеет. Мне поспать. Я вообще ее грохнуть должен был, но... не смог. В последний момент тормознул, сам таблеток наглотался, чтобы захотеть ее и, украв ее невинность, сорвать свадьбу.

– Ты не слышал, что сказал врач? – тихо, но уверенно заявила дочка олигарха. – Я не сделаю этого, папа.

– Я против! – гаркнул в ответ Кирсанов, а меня сковало яростью, корпус телефона захрустел под пальцами, Славка в страхе отступил. Он знал, что, когда я зол, могу быть настоящим зверем.

– А я против свадьбы. – Голос сучки задрожал. – Это сделка папа. Хочешь чтобы я пошла на неё, тогда смиришься.

– Если Носов узнает, чей он – будет катастрофа.

– Папа, я не смогу больше иметь детей, – она еще больше согнулась, обняла себя худыми руками. – У меня отрицательный резус. Если прервать беременность, больше не смогу родить. Я оставлю... его. Это мое решение. Воспитаю сама, Гриша не прикоснется к ребенку. Пап... Умоляю.

Огонь полился в горло и плеснулся в голову, затмив разум и внешние звуки.

– Сука! Сука! Сука! – зарычал я медведем и размазал телефон по стене. Осколки рассыпались под пальцами, а на поверхности появились выбоины. – Какого хрена она посмела от меня забеременеть?! Тварь! Я был уверен, что, даже если такое произойдет, ее почистят.

Хлопнула дверь – Славка смотался. Трус!

Сколько я молотил стену и трощил мебель, не помню. Меня вырубил. Как последние два года – напрочь вырвало из реальности. Очнулся, когда дверь, вернее ее куски, рухнула под ноги, а в кабинет с легкой дразнящей улыбкой вошел Волчара.

– Перестановка? – спросил он и огляделся. – А мне... нравится. Минимализм!

Присел рядом и, не глядя на меня, ехидно добавил:

– Хотя лично я бы ограничился заменой занавесок, а не окна. – И тихо спросил: – Что у нас плохого? Что тебя так разозлило?

– Кирсанова беременна, – выплюнул я и сел на пол. Отшвырнул ногой обломки стула или стола. – От меня, сучка, беременна!

Серый замолчал, лишь сжал руки в кулаки. Машинальный жест, что так красноречиво говорил о его мыслях. Друг подобрался и тихо предложил:

– Ты знаешь, мне это не нравится, но... Если скажешь, я это сделаю. Девка исчезнет.

– Не-е-ет! – завопил я. – Тех, кого помиловал, я не трогаю! Запомни это, – договорил жестко, а потом озвучил мысль: – А если она родит сына? Мне. Сына. Я его заберу! Точно! – вскинул голову и оскалится, но неприятная догадка полоснула по груди. – Блядь, в нем будет кровь ублюдка Кирсы... Крысы! Убей лучше меня, Серый.

– Кого угодно, дружище, только не тебя, – горько ответил он. – С удовольствием размозжу голову Кирсанова, даже скрепя сердце придушу его дочь, но ты для меня неприкосновенен. – Он хитро усмехнулся. – Стоит представить, что мне за это будет от Насти, так лучше заранее выброситься из окна!

Сестра Волка, Настенька, хоть и передвигалась на кресле-каталке, но могла отметить даже брата-боксера. Разумеется, Серёга терпел ее злость, ведь Настя не могла говорить, и эмоции изливала лишь действиями.

– Приведи ее, – меня осенило. – Приведи Ангелину. Я ее украду, спрячу, а потом, как ребенок родится, выброшу на улицу.

– Кирсанов на стену будет лезть из-за кровинушки, – жёстко рассмеялся Серёга. И сжал кулаки: – Сегодня же она будет у тебя.

В кабинет влетел Славка. Взъерошенный, красный.

– Лютый! – запищал он, прижимая телефон к уху. – Они что-то планируют. Подсадной у Носова сообщил, что намечается большой трах с дочуркой Кирсанова. Они хотят сорвать беременность и уже выехали на дело...

Глава 6

Ангел

Покачиваясь в седле, я смотрела на небо. Лошадь неторопливо брела по дороге, а я её не подгоняла. Мне давно уже некуда спешить. Два месяца как жизнь моя оборвалась. То, что было после моей «свадьбы» трудно назвать этим позитивным словом.

– Хорошая погода.

Я кивнула. В который уже раз? Это важно? Разговаривать не хотелось, я бы с большим удовольствием молчала и ехала вперёд, но этой приятной прогулкой я была обязана Григорию.

– Спасибо, – вздохнула я и, выдавив улыбку, посмотрела на бывшего жениха, – за то, что уговорил папу отпустить меня. Из дома я выхожу только в больницу. Он и раньше меня особо никуда не выпускал, а... после...

Я вздохнула, потому что слова кончились. Гриша догнал меня и, натянув поводья, заставил своего жеребца шагать рядом.

– Всегда в твоём распоряжении, Лина, – весело ответил он и, сверкнув голубизной глаз, добавил: – Если бы ты хоть намекнула, что хотела прогуляться со мной, я бы приехал раньше.

Я отвернулась. Нет, раньше не нужно было. Я только перестала вздрагивать каждую минуту. Психолог, которая посещала меня каждый день, утверждает, что я иду на поправку. Мне бы её уверенность.

Каждую ночь я видела во сне страшное лицо со шрамом и просыпалась в холодном поту. Казалось, с того жуткого дня живу с тем подонком. Не проходит минуты, чтобы я не подумала о нём. Я проклинала его, желала самой страшной смерти.

Мало того, что этот отморозок сломал мою жизнь, он ещё и...

Я невольно прижала ладонь к животу и тихо всхлипнула.

Гриша покосился на меня и тихо спросил:

– Ты в порядке?

– Нет, – честно ответила я.

Разумеется, для Носовых не было тайной, что я забеременела. С трудом помню, что происходило в больнице следующие две недели, но, когда выплывала из болевого тумана, часто слышала, как доктор доказывает отцу или Носову, что аборт в таком состоянии для меня может быть смертелен.

Что делал Носов в моей палате, так и осталось загадкой. Ведь я уже не девственница, а такому чистоплюю, как бизнес партнер моего отца, нужна «чистопородная кобылка». Меня же испортили.

Будто подслушав мои мысли, Григорий признался:

– Я переживал за тебя. Приходил в больницу каждый день, но...

Он замолчал, да и я не спешила говорить. Знала, что Гриша каждый день приезжал, привозил цветы и подарки, но люди отца ко мне в палату без его разрешения никого не пускали. А почему папа не давал согласия моему бывшему жениху, и так понятно. Отец запретил мне рассказывать кому-то о “Привете от Лютого”, но боялся, что в таком состоянии я проговорюсь.

– Спасибо, – чтобы разорвать напряжённое молчание, снова поблагодарила я.

Я знала, что Григорий других слов ждал, но я не могла их произнести. Отвернулась. Меня бы устроила обычная прогулка верхом. Глоток воздуха, кусочек свободы без прессинга отца, который требовал избавиться от ребёнка. Ведь я уже поправилась, и это было бы неопасно...

Я же требовала позволить мне оставить ребенка, и тогда я выйду замуж хоть за черта. Но, если признаться, я сомневалась, что Носовы пойдут на это условие. Маленькая надежда, что меня оставят в покое...

Гриша стукнул пятками в бока коня и, обогнав меня, развернул животное, преграждая путь. Я натянула поводья и удивлённо посмотрела на мужчину.

– Лина, – решительно начал он. – Я пригласил тебя на прогулку, чтобы серьёзно поговорить о нашем будущем.

Я покачала головой:

– У нас нет будущего, Гриша.

– Лина...

– Хватит меня так называть, – не выдержала я. Посмотрела на него и призналась: – Мне не нравится это сокращение, терпела его, чтобы тебе понравиться. Теперь это не важно. Моё имя Ангелина.

– Ангелина, – согласился Григорий и продолжил, будто и не слышал остального: – Папа говорил с твоим врачом. Тебе намного лучше, и я прошу назначить новый день нашей свадьбы.

Я застыла, не веря услышанному.

– Нашей... – Сердце бухнулось в ребра. – Что?!

Вот и провалился мой план. Носовы готовы взять меня беременную? Гриша подхватил поводья моей лошади и притянул так, что животные сблизилась ещё сильнее.

– Давай начистоту, – напряжённо прошептал Гриша. – Отцу нужен этот брак. И моему, и твоему. Сначала я был против... – Он усмехнулся: – Ты извини, ничего личного, но ты такая... не секси. Никакой изюминки. Да и привык я жить, как хочу. Пошёл на сделку, потребовав, чтобы жена была девственницей...

Я смотрела на мужчину, не понимая, как могла видеть в этом цинике приятного молодого человека. А он, приняв моё молчание за внимание, всё не мог остановиться и изливал душу:

– Когда тебя... – он откашлялся, – думал, что оно к лучшему. Но потом, поразмыслив, решил, что не прав. Это же просто сделка! Отец от меня не отвяжется, пока не женюсь. Вот я и решил, что ты лучшая кандидатура. Сама не ангел, и мне будешь давать развлекаться...

Я сжала поводья до сильной боли в ладонях, желая ускакать от человека, с которого слетела красивая маска. Как можно дальше умчаться и никогда не встречаться с ним. Во рту разлилась горечь, сердце забилося еще быстрее. Так вот почему он таскался каждый день в больницу и отправлял мне подарки! Решил, что я отличная ширма для беззаботной жизни? А я принимала это за сочувствие.

– Ты не думай, – видимо, поняв по выражению моего лица, что я чувствую, быстро добавил Гриша, – я не обижу с оплатой. Всё, что захочешь – дома, бутики, путешествия. И в постели тебя приласкаю... Только, – он посмотрел в упор, и голубые глаза полыхнули ледяным пламенем, – избавься от убудка.

В голову будто что-то ударило, в груди стало горячо. Уточнила, с трудом сдерживаясь:

– С... оплатой?

Он кивнул и растянул почти американскую пошлую улыбку. Какой он противный. Почему я раньше этого не замечала? Но я бы все равно вышла за него, не потребуй и он избавиться от ребенка.

Я вырвала поводья своей лошади из его рук и ответила одно:

– Нет.

Развернула животное, чтобы исполнить свое желание оказаться от бывшего жениха подальше, но Гриша схватил меня за талию и перетянул на своего коня. Горячее дыхание коснулось моего уха:

– Тебя же изнасиловали, Ангел! Трахнули, как последнюю шлюху, в машине, выбросили полуголую всем на обозрение. В крови и сперме. Хватит из себя святую строить. Или... – лицо его исказилось. – ...Тебе понравилось?

Извернувшись, я с размаху ударила Носова по щеке, а он вскрикнул и отпустил меня. Я соскользнула с коня и, больно ударившись о землю бедром, сжалась в страхе, что окажусь под копытами.

– Хочешь сохранить ребёнка от того, кто отъебал тебя как сучку? – зло прошипел Григорий, и его красивое лицо исказилось от презрения. – Как знаешь. Ты сделала свой выбор. Сама виновата!

Он развернул коня и, пришпорив бока, пустил в галоп.

Я же бессильно откинулась на спину и, глядя в небо, кусала губы. Понравилось?! Придурок! Да я с содроганием думаю о том, что придётся вынашивать и рожать ребёнка от лютого врага отца, а теперь и моего. Подонка, что убил мою мечту быть счастливой в браке. Я каждый день открываю браузер с готовностью, что стану порнозвездой. Да, папа обещал, что этого не будет, что его люди позаботятся о записи...

Но от этого не легче.

Понравилось?! Только окончательный придурок мог подумать такое! Я всей душой, отчаянно и смертельно ненавижу этого человека! Шрам... Я бы своими руками оставила ему такой же с другой стороны для симметрии. Нет, окажись в моих руках нож, я бы проткнула его чёртову грудь. Огромная туша бесчеловечности и жестокости!

Да я так сильно ненавидела того, кто сломал мою жизнь, что боялась себя самой. Стоило подумать о нём, как перед глазами темнело, и в груди разгоралось чёрное пламя. В такой момент я бы смогла сделать что-то очень плохое...

Но как бы я не относилась к насильнику, я не могла пойти на аборт. Как бы меня не уговаривал отец, как бы не шантажировал Носов, я не могла лишиться себя возможности стать мамой.

– Ты не виноват, – прошептала и, глотая слёзы, села на дороге. – Ты мой единственный шанс на счастье, и я не упущу его. Дедушка тебя полюбит. А Носовы... могут жить и «развлекаться» как хотят! Пусть ищут себе другую «племенную кобылку»!

Решив это, я поднялась и направилась к мирно щиплющей травку лошади, как та вдруг взбрыкнула и, заржав, бросилась от меня, как от огня.

Показалось, или я видела отлетевший от крупа лошади камушек? Но кто мог бросить его?

Услышав хруст веток, я резко обернулась и остолбенела. На меня грузно двигались четверо мужиков. В голове зазвенели слова Григория.

Сама виновата...

Глава 7

Ангел

– Хороша сучка, – ухмыльнулся бородатый с бритыми висками и оглянулся на остальных: – Я первый!

Сердце ёкнуло, и я бросилась бежать. Не знаю, что в меня вселилось, но неслась по дороге так, будто за мной гналась сама смерть. Не оглядывалась, зная, что преследователи не отстанут, ведь Носову нужна жена. Не девственница – подонок уже смирился с этим – но не беременная.

Вот как свекр решил избавить меня от «ублюдка»! Это осознание придало сил бежать, даже когда в боку закололо, а перед глазами заплясали тёмные пятна.

– Стой, тварь!

Меня сбили с ног, толкнув в спину, и я покатила, глотая пыль и слёзы, стирая ладони о песок и камни, а, остановившись, выставила руки, раздирая лицо первого, кто набросился на меня. Пытаясь добраться до глаз, старалась не думать о шарящих на поясе мужских руках. Я защищалась изо всех сил. Второй раз этого не случится – лучше смерть! Я закричала так громко, как только была способна.

И получила пощечину, что вызвала грохот в ушах и опалила лицо ядовитым жаром.

– Держи... Ноги держи! Вот стерва изворотливая!

Голос звучал совсем рядом и я, дёрнув головой, боднула отморозка. Судя по тому, как он загнудосил, я попала в нос.

– Ах ты блять!

Второй удар взорвал висок острой болью. Я всхлипнула и, ощутив во рту вкус крови, тихонько завывала.

– Не убей, идиот, бос шкуру с тебя спустит, – кто-то зарычал совсем рядом.

Я сучила ногами, пытаясь помешать стянуть с меня брюки, но силы покидали. Мышцы будто выкручивали, жили едва не лопались от напряжения.

– Тащи сюда...

Меня подняли в воздух, множество рук щупали меня, мяли грудь, пальцы лезли в лоно, в рот, а я извивалась змеёй, всё ещё надеясь на чудо. Но чуда не было, и меня, уже раздетую, распластали на земле, прижимая за запястья и щиколотки.

На меня навалился один и, тыкая членом между ног, вдруг захрипел. А на лицо мне полилась горячая кровь. Только через секунду я поняла, что меня отпустили и, спихнув с себя тяжёлое тело, перекатилась на живот и поползла к кустам. Подняться бы не смогла...

Но меня подняли. Я закричала снова и, измазанными в чужой крови пальцами вцепилась в лицо нападающему.

– Тише! – Мне скрутили руки, перед глазами снова оказалось небо. – Я не сделаю тебе ничего плохого. И никто не сделает... пока.

Меня поставили на землю, и я ощутила на плечах чью-то рубашку. Завернувшись в ткань, хотела посмотреть на того, кто меня спас, но в глаза бросилось окровавленное тело.

Тот, кто пытался «первым», лежал ничком и невидяще смотрел в небо. Во лбу его зияла алая рана. Меня замутило, и я отвернулась. Но с другой стороны незнакомые мне люди окружили троих нападающих и, заставив их опуститься на колени, наставили дула орудий в их большие головы.

Я хотела отвернуться, но мой взгляд словно приклеился.

Мужчина, накинувший на меня свою рубашку, поднял меня на руки и понёс через рошу, только тогда я отвернулась. Вздогнула, когда до меня донеслись едва слышные хлопки. Я заметила, что на пистолетах «спасителей» были глушители.

– Вас папа послал? – дрожа всем телом, спросила я. Нужно было отвлечься и не думать о том, что происходит там, за деревьями, потому несла очевидную ерунду. – Он был прав... Мне не стоило выходить из дома.

Я поклялась, что с этого момента шагу за порог не сделаю! А Носов... Он поплатится за то, что сделал! Стоит папе узнать о засаде, как Грише подправят его идеальную физиономию. Впервые порадовалась, что не вышла за Носова замуж.

Мужчина с короткой торчащей челкой молча нёс меня, и я была ему благодарна. Меньше всего мне сейчас хотелось бы что-то объяснять и рассказывать.

За рошей нас ждал чёрный автомобиль, в который меня бережно усадили и, закутав в плед, оставили в покое. Меня трясло всё сильнее – я начинала осознавать, что со мной едва не случилось тоже, что два месяца назад. Только еще хуже.

Подтянув ноги, уткнулась носом в мягкую ткань и заплакала. Почему я такая несчастная? Сначала тот жуткий со шрамом, теперь едва не... Ох, как же хорошо, что меня спасли! А ребёнок?

Похолодев, я прислушалась к себе. Меня колотило, будто от холода, зуб на зуб не попадал, пальцы рук ломило от напряжения. Я подняла руку и посмотрела на сломанные ногти, испачканную кожу. Ещё ныл бок, на который я упала с лошади, горела щека от пощечины и тянул висок от удара, но больше вроде ничего не болело.

С каждой минутой ужас отступал, дрожь проходила, а я немного согрелась. Только осознала, что автомобиль едет. Порадовалась, что между сиденьем водителя и пассажирским тёмная перегородка. Повернулась к окну и, наблюдая, как мелькают дома, прикрыла веки. На миг.

И тут же распахнула глаза. Забыв обо всём, заколотила в перегородку и закричала:
– Вы куда меня везёте?! Мой дом в другой стороне!

Глава 8

Лютый

Я не находил себе места. Бросался на слуг, разбил что-то, сломал кому-то из охраны нос, руки где-то поранил так, что кровь оплетала кисти, но я ничего не чувствовал. В голове гудели слова Славки, что Носов затеял срыв беременности таким грязным способом. Если эти суки убьют моего ребенка, я их живьем съем. Клянусь! Не подавлюсь!

От напряжения крошилась эмаль, ныли зубы, крутило руки. Я сжимал кулаки и ходил по гостинной, ожидая звонка от Волка.

Каждую минуту меня выбрасывало в события двухгодичной давности, когда я – победитель очередного боя – вернулся домой и нашел Милу... распластанную на постели. Разорванную, сломанную. Всю в крови. В море крови.

И пустая кровать Сашульки заставила меня покачнуться на твердых ногах.

Я ревел, как зверь. Истекал кровавыми слезами, умолял любимую очнуться, гладил ее светлые волосы, целовал в разбитые губы, обнимал холодное тело, обещал сделать, что угодно, только бы она жила – даже душу продать. Но никто не хотел покупать. Жена уже не дышала, не отвечала. У-мер-ла. И вернуть время вспять невозможно. Я сильно ошибся в выборе, оступился на ровном месте. Моя упертая гордость и дерзкая уверенность уничтожила все живое, что во мне было.

Ее убили! Убили из-за меня! Я знал это, знал. Я даже знал, кто это сделал.

Тогда рванул к машине, потому что у этого подонка оставался мой сын, но в темноте улицы меня настигла расплата. Сначала это были удары в лицо чем-то тупым, но тяжелым. С такого ракурса, с которого я не успел среагировать и увидеть нападающего, не успел дать сдачи. Потом пинки в ребра, по спине, ломая меня, уничтожая. Позже я с трудом понимал, куда прилетали удары, просто принимал их и даже не скулил. Я смирился со своей участью, но только не со смертью любимой. Когда обмяк, меня швырнули в кузов, замотали туго голову мешком, и вывезли, как кусок тухлого мяса, в лес.

Там меня швырнули на мягкий грунт, пропахший мхом и гнилыми листьями, я уже почти не двигался. Дышал, но не жил. Кто-то, стащив мешок, проверил пульс и потом толкнул меня носком сапога. Наверное их было двое, потому что они легко скрутили меня, потянули по подлеску, толкая дальше и дальше. Углублялись в чашу, видимо, чтобы замести следы. Все делали молча и слаженно.

Сил спастись не было. Сил вообще ни на что не было. Когда я осознал, что остался один, я умер на месте. Просто хлоп! – и сердце перестало биться.

Меня оставили в покое на несколько минут, я слабо приоткрыл глаза и увидел черные военные ботинки, такие точно были у охранника Кирсанова, что заставлял меня переступить через себя еще вчера, но получил категоричный отказ.

За это я и поплатился.

Муть перед глазами расступалась тяжело, боль была бесконечной, а мой враг подтащил второе тело, и я уставился на замершее лицо жены и ее ненатурально вывернутую шею. Это было последнее, что я увидел перед тем, как умереть. Светлые волосы в комках земли, смешанные с кровью, и любимые ласковые черты, которые никогда больше не оживут, губы, которые больше никогда не скажут «люблю»...

И через секунду тот, кто убил мое сердце и душу, сбросил нас с обрыва. Сначала любимую, а следом меня...

– Лютый, – дверь приоткрылась.

Я очнулся, мельком глянул на себя в зеркало бара и ужаснулся кроваво-черному взгляду. Разжал онемевшие руки. Дышать в такие моменты было сложно. Я вообще не дышу после того,

что случилось. Просто ходячий труп. Живу только благодаря неумирающему желанию найти сына и отомстить убийце, но добраться до него не так просто – слишком велика империя у Кирсанова. Слишком влиятельные рядом друзья, типа Носова. Пришлось долго планировать, набираться сил, изучать слабые места обоих. Но Крыса за все ответит!

– Ее привезли, – добавил Слава, но так и остался в дверях. – Куда?

– Веди сюда, – сухо ответил я и отошел в темный угол. Если я Кирсанову сейчас не задавлю своими руками – будет чудо, потому что кровь хлынула в горло, сдавила нутро и заставила меня сцепить зубы от ярости. Я люто ее ненавижу, как и Крысу. Кровь от крови, яблоко от яблони. Все они твари продажные.

Она была в одной рубашке, ноги измазаны лентами крови. Неужели не успели? Не спасли моего ребенка?

Я шагнул вперед, в порыве паники, желании узнать, что случилось, но когда девушка взглянула на меня, ослепляя страхом и синевой, снова отступил к стене. Сжал кулаки.

– Оставь нас одних, – бросил я Серому, что стоял за спиной девушки.

Волк глянул на Кирсанову и, подтолкнув её ко мне, вышел из комнаты. Прикрыл за собой дверь.

Девка, крупно дрожа, казалось, даже не заметила этого. Она не отводила от меня взгляда: глубокого, пронзительного. Я всеми фибрами души ощущал, как исходят от нее волны ненависти. Жгучей, густой, как острая паста чили. И я дышал этой яростью. Бессильной яростью, потому что жертва и сама понимала, что ей нечего мне противопоставить. Я могу сломать ее двумя пальцами, но только ради ребенка этого сейчас не сделаю.

Худенькая, но высокая, ноги длинные стройные, тонкие щиколотки, крошечные стопы в грязи. Я медленно поднял взгляд обратно, отмечая, как расположены пятна крови на острых коленках и бёдрах, но ближе к промежности кожа чистая. Похоже, это не её кровь.

Кирсанова, неправильно истолковав мой взгляд, прижала руки к подолу рубашки и потянула его вниз, пытаясь скрыть от меня, что стоит без трусиков. Будто я не знал. Я же скользнул взглядом выше, отмечая высокую пышную грудь, выступающие эротично косточки ключицы и острый подбородок.

Когда я трахал девчонку в машине, грудь её была куда как скромнее. Я до сих пор их помню, твою ж мать! И соски не торчали так призывно и дерзко. Я оторвал от выступающих сквозь ткань горошин взгляд и задохнулся, глядя на залитую кровью шею Кирсановой, испачканным светлым волосам. Она будто ожившее привидение моей жены... Су-у-ка.

И тут девушка заговорила. Голос прозвучал хрипло и надрывно:

– Что вам нужно? Деньги? Сколько вы хотите? Не обязательно требовать их у отца, я сама заплачу.

И, глядя прямо на меня, сузила свои нестерпимо-синие глаза, пронзая обжигающей ненавистью.

Нельзя к ней подходить. Нельзя. Но я все равно ступил ближе. Затем еще. Навис, заставляя ее согнуться под моим ростом и величиной.

– Думаешь, мне нужны деньги?

Она скривилась на миг, лицо её исказилось, словно от боли, но взгляд не опустила. Выплюнула:

– Остальное вы у меня уже отняли.

– Нет, не все, – я улыбнулся уголком рта. Иначе я не умею и, скорее всего, напоминало это оскал. Особенно если вспомнить, как изувечено мое лицо. – Ты отдашь моего ребенка.

Глава 9

{Ангел}

До этих слов я держалась. На лютой ненависти, которую я испытывала к этому огромному и страшному мужчине, на ярости, которая вытягивала меня в полный рост, словно каркас, я стояла и смотрела в его изуродованное лицо без малейшего страха.

Он сломал меня, раздавил, уничтожил, содрал не только корсет свадебного платья – разорвал мою жизнь! Что ему ещё от меня нужно? Деньги? Да я отдам всё, что есть, лишь бы никогда больше не видеть эту уродливую рожу! Дам больше, чем попросит, чтобы исчез навеки-вечные, но...

– Ты отдашь моего ребёнка.

Сердце ёкнуло, и я покачнулась. Перед глазами мелькнуло жуткое окровавленное лицо подонка, которого пристрелили прямо на мне.

А что, если Гриша не виноват? Носов-младший лишь попросил сделать аборт и выйти за него, а, когда я отказала, то просто ускакал. Я же, увидев отморозков, решила, что это экс-жених всё организовал.

Скорее всего тех бандитов нанял не мой Григорий, а вот это чудовище со шрамом в поллица?

Наклонив голову, он ухмылялся так, что спина похолодела, и ужасно вспотели ладони.

Это был звериный взгляд. Лютый.

В тот день, изнасиловав, Шрам на миг сжал руки на моей шее, и я только потом вспомнила об этом, разглядывая синяки на шее. Задушить хотел? Или напугать смертью? Но в тот момент мне было уже плевать, я и так, казалось, умирала.

И вот сейчас, когда я, наконец, вышла из дома отца, оказалась без охраны, мучитель снова набросился на жертву. Сначала натравил отморозков, затем притащил в своё логово.

Точно зверь. Иначе и быть не может.

Его рык “Ты отдашь моего ребёнка”, сверкающие черной тьмой глаза, сжатые кулаки, что бугрились от вен, и огромный сверкающий зазубренным лезвием кинжал, оставленный на столе – все это говорило об истинных намерениях чудовища.

Ноги подкосились, и я, громко всхлипнув, рухнула на колени. Обхватив мужчину руками, заскулила:

– Пожалуйста, не надо... Умоляю. – Слёзы хлынули из глаз. Я выла, содрогаясь от ужаса: – Не вырезайте его! Не убивайте... Вы же человек. Были же когда-то. Нельзя... так...

Он будто превратился в камень. Застыл. Перестал дышать. Руки поднял, словно собирался ударить, а потом неожиданно оторвал меня от себя, поднял вверх за талию, отчего рубашка неприлично задралась, переложил ладони на плечи и, сжав их, прорычал:

– Никогда ко мне не лезь, сука, иначе прибью! Ясно выражаюсь? Не слышу?

Я замерла, не дыша, сердце пропустило сразу несколько ударов. Интуитивно кивнула, но не смогла выдать и слова.

– Ты останешься в моем доме под охраной. Будешь всем обеспечена: едой, врачом, одеждой. Выносишь ребенка, а потом вернешься к любимому папочке и женишку. На этом все. Сгинь с моих глаз, пока жива. Слава покажет тебе комнату. Попытаешься сбежать, выебу так, что и насилуем не назовешь. Доходчиво поясню?

Осознавая, что урод не собирается меня трогать, едва снова не разрыдалась. Ничего из услышанного не угрожало моему ребёнку. Жуткие картины, которые я нарисовала себе, растаяли в кровавой дымке полубессознательного состояния.

От облегчения едва не упала, но лапищи огромного нависшего надо мной мужчины сжимали плечи так, что, казалось, я слышу хруст костей, и не давали мне шевелиться. Становилось всё больнее, но это привело меня в чувство.

Я судорожно сжала челюсти и медленно кивнула.

Когда ощутила свободу, судорожно вцепилась в стол, чтобы не упасть, а урод отвернулся и направился к двери. А я смотрела на кинжал и боролась с накатившей на меня волной ярости. Потянувшись, обхватила рукоять и ударила ненавидящим взглядом с огромную рельефную спину чудовища.

У меня был миг и одна единственная возможность. Один удар, и я отомщу насильнику и вырвусь на свободу. Но что потом? Огромный дом, за дверью люди этого уroda. Что со мной сделают? С ребёнком...

Я неохотно разжала пальцы и, отступив от стола, уронила руки.

Шрам открыл дверь и бросил на меня насмешливый взгляд.

– Дарю, – покосился на нож. – Можешь взять себе, – сказал он и, исказив лицо в гримасе похужей на презрение, скрылся в коридоре. Тяжелые шаги долго отдавались в груди дрожащими толчками. Издали послышался низкий голос урода: – Волчара, на второй этаж ее. В комнату рядом с моей. Охрану круглосуточно. Накормить и купить шмотки. И вызови Эльку, пусть приедет проверит суку, возьмет анализы, что там еще нужно?

Я медленно опустилась на колени, но нож со стола стянула. Не знаю, издевается Шрам или действительно разрешает мне взять оружие, но я не упущу ни малейшего шанса попытаться защититься.

В комнату вошёл тот самый мужчина, который привёз меня сюда. Улыбнулся мне:

– Добро пожаловать, невеста.

И я похолодела, вспомнив эту ухмылку и короткий ершик волос. Именно этот подонок снимал на камеру, как меня... в машине... Я сильнее сжала рукоять кинжала и глухо предупредила:

– Не подходи.

– Отдай мне ножичек, – протянул он руку. – Порежешься ты, а Лютый перережет глотки всем в этом доме.

– Лютый? – мой голос дрогнул.

В памяти снова, словно плевков в душу, всплыли жуткие слова: «Передай папочке привет от Лютого». Отец просил никому об этом не рассказывать и не объяснил почему, просто закрыл мне рот и запретил вспоминать. Я сжала кинжал так, что побелели костяшки пальцев. Прощедила:

– Лю-тый... сказал, я могу взять это.

Мужчина не смотрел мне в лицо, а скользил взглядом по моей полуобнажённой груди, и я поспешно прикрылась.

– Тебе идёт моя рубашка, – с лёгкой хрипотцой прокомментировал он и подмигнул: – Можешь оставить себе. А теперь идём.

Он повернулся к двери и, приблизившись, подозвал кого-то. Я заметила за дверью человек пять мужчин. «Волчара», как его назвал хозяин дома, передал распоряжение одному из них:

– Слава, пулей за Эльвирой. Я отведу невесту наверх... Что? Сама пойдёт! – Мужчина обернулся и посмотрел с издёвкой: – Или хочешь задержаться на часок-другой в тёплой компании?

Я вздрогнула, ощутив на себе жадные взгляды, и помотала головой. Конечно, пойду. Главное – сохранить жизнь. И свою, и в себе.

Глава 10

{*Лютый*}

Я старался не мелькать по дому. Днем спал, вечером мотался по делам, ночью работал в кабинете и прислушивался. Ко всему прислушивался. К стукам, шагам, дыханию. Дыханию стервы, что носит моего ребенка. К ее тихому голосу, от которого меня корчило и выворачивало. Я даже считал минуты, когда она плескалась в душе за стеной моей комнаты, а еще по ночам слышал, как стонет.

Готов был сорваться по первому зову, потому что Элька выдала удручающие результаты. Угроза выкидыша очень велика. Девушка юная, слабая из-за потрясений, с отрицательным резусом. Врач давала не больше половины шансов, что Кирсанова выносит ребенка. Я приготовил больницу, кровь, все, что нужно, если понадобится, и просто ждал.

Стоял под дверями спальни моей жертвы часами, готовый рвануть на помощь, если закричит, но она просто беспокойно спала и никогда со мной не разговаривала. Да я все понимаю, мне и самому с ней общаться было противно.

Я скрипел зубами и прятался, чтобы не тронуть ее, не зацепить, не напоминать о себе.

Но не будет жалости, крошка. Ты прячешься под светлым фасадом сучью душу, и я терплю тебя, только чтобы здорового сына выносила. Только из-за этого!

А во сне, блять, я трахал ее. Всячески. Это просто какой-то безумный крах моей личности. Ниже я не падал, и осознал, что спасения уже не будет. Просыпался со стояком и не мог понять, какого хрена она на меня так влияет? Ни одна сука не могла, а эта задевает, влечет, манит, как чертова росянка комара. Я ведь даже не приближался, не общался с ней, только издали наблюдал.

И мне, блять, нравилась ее налитая грудь, что лишь раз оказалась под моими руками, привлекали пухлые губы, что умели очень ласково улыбаться, конечно же, не мне... а еще я помню тепло, нет, жар тесной шелки, в которую хотелось вклиниться, размять-растянуть и довести до пульсации. Твою ж подлую суку! Хотел ее. Яростно. Жестко. Чтобы она извивалась на мне, кончала подо мной, тряслась от ужаса и шемящей благодарности, что не убил тогда, не задушил тварь.

И осознал, что не ее я не убил, а своего ребенка спас. Насилием спас? Совсем свихнулся!

Я взвыл, когда в очередной раз мысли завели меня в глухой тупик и впились иглами в грудь. Ее отец – подонок, что разбил мою душу, разорвал сердце и выбросил мое тело на съедение медведям. Жены у него нет, дочь – единственный рычаг мести, и я ним воспользовался, но...

Что дальше? Что? Дальше?! Как себе простить такое?

Родит, оставить ее у себя вместо домашней шлюхи? Спрашивать разрешения не буду, захочу – возьму. А я хочу. Кровь закипает, когда закрываю глаза. Она в голове намертво увязла, в штанах поселилась, как ублюдочный вирус. Выебу ее пару раз и успокоюсь, сто пудов.

– Да чтоб тебя! – выкрикнул в тишину дома и уперся лбом в холодное стекло.

Знал, что нельзя брать. Не потому, что жалею ее, а потом что навредить своему ребенку не смогу. Это моя кровь, и я его заберу. Заберу взамен моего Сашки!

– А-а-а! Тварь подлая! Как такое можно заменить?! – я сжал кулак и укусил косточки до крови.

Выдержу эти месяцы, а потом Кирсанова будет скакать на мне и оплачивать папины долги.

Я зыркнул в отражение окна и скривился от мерзости. Сам себе противен. И от мысли прикасаться к той, кого ненавижу, стало горько во рту. Это же дочь Кирсанова, лучше резиновую бабу вытрахать, чем эту тварь. Я до сих пор себя грязным чувствую после «свадьбы».

Но почему я на нее засматриваюсь? Даже сейчас. Элька учила девку гимнастике, и они вдвоем, как две лани, изгибались на газоне под октябрьским теплым солнцем, а я скрипел зубами и лопался от прилива крови в пах. Уже полчаса прятался за шторой и ненавидел Кирсанову еще больше. Блять, надо запретить ей светить своим упругим задом в моем доме. И вроде все скромно: серые спортивные штанишки, закрытая футболка, волосы стянуты в хвостик, но меня бесило в ней все. И возбуждало. Даже походка и ласковое движение руки, что постоянно ложилась на живот.

И не мечтай! Это мой ребенок, сука, ты к нему отношения иметь не будешь!

Эля что-то объясняла Кирсановой, а та, повторяя движения, вдруг мягко рассмеялась. Сквозь запертое окно слышно было плохо, но звонкий голос пробился сквозь стены и замер между ребрами вибрацией. От этого пах чуть не взорвался от боли и напряжения.

Я ошалел, обезумел. Ни одна женщина за два года не вызывала во мне такую бурю эмоций. Наверное виновата ненависть, что усиливала-заостряла чувства.

Ни одна баба не напоминала мне о Миле, а эта издали казалась точной копией. Я истосковался, измучился и разумом понимал, что увлечен не дочкой Кирсанова, не ее трахнуть хочу, а желаю видеть в ней погибшую любимую. Ту, что сделала выбор между мной и другом, ту, что была верной и покладистой, ту, что говорила перед боем: «Принеси мне пояс, будет тебе сладенькое». И я приносил. Каждый, сука, раз выигрывал! Сбилса со счета. И в тот, последний, раз тоже выиграл, а должен был...

Я поднял голову и поймал через окно холодный взгляд Кирсановой. Она на миг опешила, распахнула ресницы, будто не ожидала, что я замечу ее взгляд, а потом сжалась в комок, спрятала живот руками и отвернулась. Член натянул брюки так, что я скрипнул зубами и дернул штору. Застежки уныло защелкали, и тяжелый жаккард рухнул на пол.

– Скотина... – выдохнул я и оттолкнул ногой кресло. Оно шваркнуло о стену.

Две недели прошли в жутком напряжении. Ангелина не пыталась сбежать, что удивляло, и каждый раз, стоило нам столкнуться взглядами, вздрагивала и отворачивалась. Да, я урод. Таким меня сделал твой папочка. Полюбуйся. Страшно, да?

Я вдруг осознал, что не до конца наслаждался мезью.

– Слава! – гаркнул охраннику, что стоял за дверью.

– Да, Лютый, что-то нужно? – заглянул он почти сразу. Когда я лютую никто не заходит ко мне – боятся, но на мой зов прийти обязаны.

– Уведи эту суку из-под моего окна и запрети впредь трясти булками во дворе, для этого есть спортзал. И Элю позови.

– Слушаюсь, – кивнул охранник.

Дверь хлопнула, и через несколько минут в кабинет, покачивая бедрами, вошла Эльвира.

– Звал, Лютик? – протянула она наигранно и скосила взгляд на мои брюки, что явно топорщились.

Она закрыла дверь на ключ и подошла вплотную.

Меня так колбасило, что я рванул ее на себя, стянул спортивные штаны вместе с бельем и нагнул на стол, задом ко мне. Она картинно взвизгнула, будто с ней это впервые. Не разогревал, быстро раскатал на стоячем члене презик и вошел до упора. Блять, я сорвался. Казалось, лопну от одного движения, но этого не случилось. Я таранил женское тело, отчего пошлые шлепки разлетались по кабинету, но не мог расслабиться и дойти до пика. Эля выла и охала ненатурально, от этого еще больше бесила. Я хотел другую, твою ж мать! И кончить не получалось. Врывался в растянутую дырку давалки и ничего не испытывал. Вообще ничего. В кулак вчера сбросить и то быстрее получилось.

И только когда закрыл глаза и представил на месте ржавой и тощей Эльки, невинную аппетитную Кирсанову, тугая спираль лопнула и залила голову сладкой патокой.

Не довел Эльку до оргазма, вышел из нее сразу. Спокойно избавился от резинки, оделся и грубо рявкнул:

– Пошла вон.

– Лютик... я же, – врачаха сползла со стола, – тоже хочу. – И так пошло облизала свой палец, что меня перекосило.

– На хуй пошла! – сказал еще злее и отвернулся.

Когда дверь щелкнула, а шаги мерно застучали по паркету в коридоре, я стиснул зубы до острой боли и в застывшую тишину кабинета, что пропахла сексом и похотью, сказал:

– Если бы ты не была беременной, я бы тебя...

Глава 11

{Ангел}

Я кивнула охраннику:

– Спасибо, Слава. Мне и самой тут больше нравится.

Он с сочувствием окинул меня взглядом и оставил одну. Я осмотрелась в большом, пахнущем мужским соленым потом и железом, зале. Подошла к окну и распахнула створки, впуская свежий воздух.

Разумеется, я солгала, и на улице выполнять гимнастику для беременных намного приятнее, чем в наполненном гириями и грушами душном помещении. Но возражать, конечно же, не стала. Меня до чёртиков напугал Лютый, с острым взглядом которого я столкнулась через окно. Да я бы и в подвал пошла, лишь бы подальше от этого огромного уroda.

Я в плену. Здесь моё мнение интересует окружающих так же, как и испуганное бляенье барашка, которого ведут на убой. Несколько дней Лютого я видела лишь мельком или изда-лека, но его опасно-ощутимое присутствие не позволяло мне расслабиться ни на секунду. Ведь приказ о том, чтобы меня доставили в комнату рядом с его, я расслышала прекрасно. Да урод и не пытался скрывать. Как и угрозу изнасиловать, если попытаюсь сбежать. Забыть такое невозможно. Второго унижения я не вынесу.

И уж точно потеряю ребёнка... Выносить бы.

От ужаса перед будущим всё нутро сводило острой болью, трудно было дышать. Мне даже представить жутко, каково будет жить здесь девять месяцев. Но ещё страшнее думать о том, что будет потом. Как Лютый, отобрав ребёнка, вышвырнет меня окровавленную сразу после родов. Я не сомневалась, что так и будет. Повезёт, если он даст мне родить самой, а не вырежет из меня малыша.

В груди все переворачивалось, будто льдом обжигающим набивало грудь. Ненавижу подонка! И боюсь его отчаянно.

Я видела, как он на меня смотрит. Словно убивает взглядом, расчлняет им, сдирает кожу и вытягивает жилы. Я леденела от страха каждый раз, когда слышала звук шагов за стеной, кричала от ужаса во сне, когда снилось, как Лютый склоняется надо мной, раздирает моё тело, отбирая единственное, почему я ему ещё нужна живой.

Зажмурилась и судорожно втянула воздух.

Папа! Папочка... Ты же ищешь меня, правда? Ты же не отвернулся от глупой дочери, которая попросила оставить малыша от насильника? Мне и самой тошно от одной мысли об этом, но ребёнок не виноват, что его отец такая сволочь.

Маленький, совсем крошечный, он уже живой! Эля сказала, что даже можно услышать сердцебиение на УЗИ. У него уже бьётся сердце! Меня передёргивало от одного воспоминания о том, как он получился, я бы хотела взять кинжал, что спрятан у меня под подушкой, да вырезать эти воспоминания.

Да, я готова лишиться памяти, но только не ребёнка. Доктор, который знал меня с младенчества, сказал, что, скорее всего, я стану бесплодной, если пойду на аборт. И я поверила. Игорь Геннадьевич никогда мне не лгал.

Даже когда я шестилетняя сидела на жёстком стуле у палаты мамы, а отец прошел мимо, не отреагировав на мой оклик, суровый врач с сдержанной улыбкой присел на корточки, и, взяв мои ладошки в свои, сказал правду. Ещё более горькую, чем полынь на даче, и в тысячу раз болезненнее, чем скрутивший меня тем летом аппендицит.

Горечь от разжёванной на спор травы ушла, как и боль после операции, а вот сердце до сих пор ноет от одного воспоминания о неподвижном теле мамы и голубовато белой коже любимого лица.

Ей удалось сбежать от папы туда, откуда он её не вернёт. Но мне нужно искать другой путь, ведь я отвечаю не только за себя, и я хочу жить! Я молода, красива и богата. Впереди меня точно ожидает светлое будущее... за той стеной ожидает.

Я оперлась локтями о подоконник и, вдыхая свежий воздух, задумчиво посмотрела на обнесённую колючей проволокой высокую стену. Я уже знала, что провода под напряжением. Этот путь мне не подходит. Но я не оставляла надежды спастись.

Конечно, я сразу же осмотрела окна и дверь в комнате, куда меня привели, а на прогулках незаметно примечала, что и где находится во дворе. Ночами потихоньку составляла карту, которая, впрочем, меня отнюдь не обнадёживала. У Лютого не дом, а настоящая крепость! Убежать отсюда невыносимо...

Я ждала челюсти. Жизненно необходимо это сделать, ведь ребёнка этому уроду я отдавать не собиралась. Впрочем, его ещё нужно выносить, что сделать в плену не так просто. Я не могла спать ночами, а когда забывалась тревожным сном, то просыпалась от собственного крика. Лютый приходил в каждый мой сон, и его уродливый шрам пугал меня ещё сильнее, чем наяву.

Огромный, с рельефным телом, мужчина мог раздавить меня одной левой. Я довольно высокая, но он на голову выше! И от зверя меня отделяла тонкая стена, которую – я уверена! – Лютый мог проломить кулаком. Как можно выносить ребёнка в постоянном стрессе? Да, надо бежать. Но у меня лишь одна попытка.

Вспоминая угрозу Лютого, я содрогалась от ужаса и омерзения. После сорванной им свадьбы я долго лежала в больнице, восстанавливаясь. Слышала, как доктор радовался, что меня перед изнасилованием посмотрел гинеколог. Мол, гель спас меня от серьёзных повреждений, я отделалась лишь микротравмами. Только вот врач не учёл глубочайших разрывов в моей душе.

Игорь Геннадьевич отлично лечит тело, а до души и эмоций этому сдержанному человеку дела нет.

И мне стоит поучиться у семейного доктора подобному цинизму. Если исключить страх перед Лютым и отчаяние, могу ли я увидеть выход? Что бы сделал отец? Подкупил бы кого-нибудь. Но кого? Здесь все боятся урода, некоторые даже больше, чем я. Огромный, сильный и безбашенный, он мог прикончить любого на месте. Жизнь дороже денег, но...

– Вот ты где!

Я обернулась и вяло улыбнулась Эле. Женщина, которую нанял Лютый, была хорошим врачом, но общалась со мной так, словно я увела у неё мужа.

– Что с лицом? – грубо поинтересовалась Эля, раскладывая на полу коврик для занятий. – За час, что я тебя не видела, ты подурнела ещё больше. Тошнит?

– Да, – солгала я, надеясь, что меня оставят в покое.

– Туалет там, – лениво кивнула Эля на дверь. – Иди, я подожду. Надо закончить гимнастику.

Я недовольно скривилась: не удалось избавиться от врача. Увы, Эля дотошно выполняла свою работу. Даже собиралась привезти в дом Лютого портативный аппарат УЗИ. Не отвяжется, пока не завершит гимнастику.

– Так закончим, – обречённо вздохнула я и опустилась на четвереньки.

– Я сменила тебе диету, – буркнула Эля, показывая упражнение. – Надеюсь, поможет избавиться от недомогания.

– Лучше бы сменить место проживания, – тихо ответила я.

– Дура ты, – зло огрызнулась Эля. – Я бы на твоём месте...

– Жаль, что вы не на моём месте, – перебив, искренне заявила я.

Не хотелось снова выслушивать, как мне повезло оказаться под защитой такого могучего человека. Потому что я не считала Лютого человеком. Это зверь, жестокий хищник, который и не думал защищать меня.

В зал вошёл мужчина, и я едва не ткнулась носом в коврик, потому что руки задрожали от ужаса. Но, узнав Сергея, судорожно втянула воздух. Я даже дышать перестала, решив, что это Лютый пришёл.

– Волчара, привет! – приветливо воскликнула Эля и игриво выгнула спинку. – Потренироваться пришёл?

– Ага, – мазнул мужчина по мне потемневшим взглядом.

Я невольно сжалась и отвернулась. Это приходилось терпеть постоянно. Хотя одевалась в скрывающие тело невзрачные спортивные костюмы, всё равно чувствовала на себе откровенные мужские взгляды. В доме Лютого не было женщин, кроме меня.

Я ощущала себя запертой в клетке с дикими зверями, которые не трогали меня лишь потому, что так приказал вожак, но это не значит, что не хотели.

Эля, заметив взгляд Сергея, хмыкнула и кокетливо заметила:

– Пришёл бы... потренироваться в кабинет Лютого, мы бы сделали это втроём. Или не знал, что я в гостях?

Сергей стянул футболку и, поигрывая мускулами, приблизился к нам. Меня снова затошнило. То ли от новой волны запаха, то ли от противных намёков женщины. Разумеется, я поняла, где была врач, пока я ждала в спортивном зале. А если бы не знала, то догадалась бы по её взерошенным волосам, пылающим щекам.

Сергей остановился рядом с нами и язвительно заметил:

– Все слышали, как ты орала. Но к Лютому сейчас лучше не соваться. Тебя он всего лишь отымел, а меня бы прикончил.

Я спиной ощутила чей-то прожигающий взгляд и инстинктивно сжалась. Не знаю, почему, но я кожей чуяла присутствие Лютого. Но обернуться и проверить это не успела. Раздался жуткий грохот, звякнули стёкла, на пол посыпались осколки. Я инстинктивно сжалась и отползла подальше в угол.

Глава 12

{Лютый}

Я прикипел к рабочему месту и, тихо воя сквозь зубы, рвал волосы. Почему месть не принесла мне облегчение? Только хуже стало. Будто бульдозер заехал в мое озеро, вскаламутил ил, поднял грязь и растеребил боль, что едва-едва меня отпустила и дала возможность хотя бы не уничтожать себя каждый день морально, не выдирать из груди сердце по-живому.

Я виню себя. До сих пор виню. Если бы пошел тогда на сделку, Мила была бы рядом. Сын был бы рядом, не было бы этого ребенка от той, которую ненавижу. Ничего бы этого НЕ БЫ-ЛО!

Я схватил стакан с водой со стола и швырнул вперед, не глядя. Осколки посыпались на пол, и частички остались в стене сверкающими стекляшками.

Когда Сашке было несколько месяцев, я ездил в Америку на очередное соревнование. После искал в детском магазине подарки для малыша и случайно увидел мобиль. Радужный, из прозрачных перламутровых фигурок, подвешенных-перевязанных бусинками и цветными нитями. Они так звонко звенели, когда к ним прикасались маленькие пальчики. Это вызывало всплеск детского смеха и радости.

И сейчас, глядя на разбитый стакан, я будто слышал эти звуки снова. Стук маленьких фигурок друг о друга. Тук-тук. И смех. Тонкий, нежный и родной. Задевающий струны сердца. Заставляющий смахивать слезы от щемящего счастья.

Осколки стакана будто взлетели в воздух и пронзили грудь, когда я понял, что все это – иллюзия, сладкие воспоминания, в которые не вдохнуть жизнь.

Я просто не могу без них. Без Милы и Сашки. Зачем тогда выжил? Боже, вот зачем? Чтобы быть ублюдком, способным на все?

Я даже тела жены не нашел, когда очнулся на берегу холодной реки и понял, что моя агония только началась. Уже позже Серый с людьми прочесал лес, и мы смогли похоронить Милу.

Как я, со сломанной психикой, воспитаю ребенка? Но и Кирсановым его не отдам. Не будет этого! Убийца моей жены не станет дедушкой, а сучка не будет кормить малыша молоком. Не отравят они мое дитя своим ядом.

Значит, один выход – сделать так, чтобы ребенок о существовании Кирсановых не узнал. Я уже понял, что с ума сойду, если эта сука останется со мной под одной крышей – нужно куда-то ее убрать на эти долгие месяцы. Спрятать от мира и от себя. Подальше. Потому что я на грани срыва.

То, что моя месть на «свадьбе» никогда не выйдет за пределы Кирсанова, не было сомнений. Крыса понимает, что на его позорный козырь я вытасу другой, более весомый. Пусть он и подмял под себя полгорода, другая часть оставалась бесконтрольной и очень обозленной на Носова и Кирсанова за монополию. Да, пришлось через многое пройти, чтобы добиться расположения этих людей, но уже через полтора года я подобрался ко врагу вплотную. Оставалось только найти сына, живого или мертвого, и завершить возмездие.

Из кабинета я грузно пошел в сторону спортзала, прижимая грозным взглядом попадающихся по пути охранников. Сейчас лучше не лезть ко мне по пустякам, и они это прекрасно понимали. Слышали, как я отодрал Эльку, оттого и косятся так жалко. Никому здесь не позволено трогать мое, отрежу хрен по самые яйца, если кто-то посмеет.

Знали бы они, что этот трах меня не успокоил, а только расшатал нервы еще больше, пробудил жажду, вскипятил кровь, помутил сознание. Я лечу по наклонной прямо тупой уродливой башкой в пропасть, и никому не понять, что кличка не просто прилепелась ко мне – она выросла в меня. Я по-настоящему Лютый!

Я быстро шел по коридору и, разминая зудящие кулаки и растирая сухие ладони, думал, что найду в спортзале хоть минутку отвлечения. Мчался к единственному «другу», что помогал вымотать силы и ненадолго вырубить эмоции. Боксерская груша хорошо снимала напряжение, хотя сейчас я очень сомневался на ее счет. Мне поможет только остановка сердца.

Открывая дверь, поздно вспомнил, что перевел занятия йоги Кирсановой в спортзал. Да я и не думал, что Элька после секса пойдет дальше с девчонкой заниматься. Тем более, после того, как я ее вышвырнул.

Меня перекосило от увиденного. Жар плеснулся в лицо, кулаки захрустели.

Ангелина о чем-то беседовала с Волчарой, а он сально пялился на ее грудь. Помню этот взгляд – так же он смотрел на Милу, а я тогда бесился и лез драться. Но... Именно Серый вернул меня к жизни, потому сейчас я криво усмехнулся и окинул взглядом округлую попку Кирсановой. На двоих поделить сучку тоже можно, как только родит, конечно.

Хотел ступить внутрь зала, но услышал позади подозрительную возню, и следом в висок впился женский вскрик.

В окно что-то шархнуло, за спиной взвизгнула шумовая граната, под ноги покатился клубками дым. Меня оглушило, но я устоял. И на ринге стоял до последнего, скосила меня только смерть жены. Только тогда упал на колени и не мог подняться.

Я ринулся в зал, чтобы уйти от нападения в спину. Топот и голоса напирали-приближались. Кирсанова вскрикнула, упала на пол, откатилась в угол, подальше от окна, но еще один взрыв покачнул стеллаж со спортивным инвентарем, и железяки стали съезжать ей на голову.

Серый рухнул в другую сторону. Что ему помешало подставить плечо и защитить мать моего ребенка, я не рассмотрел, потому сам бросился на помощь.

В последний момент перед тем, как блины стали срываться с полок, я подставил свою спину, позволяя тяжелым пластинам выбивать из себя дух. Широко распахнутые глаза Кирсановой смотрели прямо в душу. Также она смотрела, когда я ее брал в машине. Испуганно. Ошарашенно. Умоляюще. Я выдержал взгляд и, когда одна из тяжелых кругляшек ударила по затылку, грузно осел на девушку, прижимая ее к полу.

Глава 13

{Ангел}

Я не могла двигаться под тяжелым телом Лютого. Когда совсем стала задыхаться, вдруг ощутила свободу. Дрожа от ужаса, поднялась, но жёсткая хватка заставила меня вскрикнуть.

Пыль стояла столбом, но я рассмотрела незнакомца в тёмной одежде. Он держал меня за локоть так, что я сжала зубы от боли. Попыталась поймать его взгляд на скрытом маской лице, чтобы сказать своё имя, чтобы он понял, что это я – Ангелина Кирсанова. Именно меня отец приказал вырвать из рук похитителя и насильника, но слова застряли в горле колючим комком.

– Сучку его тоже брать? – услышала я грубый голос из-под маски. Никто не ответил, мужчина перевел взгляд на бледную, вцепившуюся в Сергея, Элю.

– Тут их две. Какую из? – спросил второй. Такой же в маске и весь в черном.

– Бери обеих. Там разберемся.

Первый кивнул и поднял автомат, целясь в лоб Сергею. Тот быстро поднял руки и отступил, позволяя незнакомцу схватить завизжавшую врачиху. Я же оглянулась, заметив, как в дымный коридор утащили бесчувственного Лютого.

В зале становилось темнее от количества одетых в чёрное людей с автоматами, а мне становилось страшнее, потому что на помощь папы это походило слабо. Но вдруг наемные?

Меня дёрнули за руку и потянули к выходу. Я беспомощно обернулась и посмотрела на Сергея, которого всё ещё держали на мушке, а он не отрывал мрачного взгляда от Лютого. Урода тащили сразу четверо мужчин, я даже передернулась. Знаю не понаслышке, какой он тяжелый.

Эля беспрестанно что-то бормотала и пыталась вырваться. Мужик, что ее тащил, разозлился. Короткий взмах, удар прикладом, и она покачнулась. Я же сжалась. Это не могут быть люди отца. Радость, что меня спасут, тут же сменилась страхом.

«Сучку его брать тоже». Эти слова не выходили из головы и не предвещали ничего хорошего.

В дверях четверка носильщиков замешкалась.

Лютый огромен! Мощный и мускулистый. Он наверняка мог убить одним ударом, если бы не блины. Это вам не медовые оладьи, а железяки. Другой бы уже не встал после таких оплеух.

Удивляло еще то, что его крепость, из которой не было выхода, так просто взяли штурмом. Значит, есть некто сильнее. Да куда уж сильнее?!

Я помнила, как поступили люди Лютого с теми насильниками в роще, поэтому старалась не смотреть по сторонам. Отчаянно боялась увидеть трупы, хотела сохранить хотя бы иллюзию, что их тут нет.

Штурм был быстрым. Взрыв, пару очередей и неравная численность нападающих. Несколько охранников Лютого были под прицелом «черных» в главном холле. Напоминало облаву наркодилера, а не мое спасение.

Я поглядывала на чернеющие в дыму автомобили, что застыли рядом с раскуроченными воротами.

Нужна удача. Я должна воспользоваться моментом, чтобы сбежать от своего мучителя. Что сделают с Лютым – плевать. Пусть ему сделают так больно, чтобы хоть немного понял, каково было мне.

Я жалела, что пошла на гимнастику без подаренного ножа. Надо было спрятать его под одеждой, но я побоялась, что порежусь во время занятий. Оружия у меня нет, а о том, чтобы выхватить автомат у подготовленного бойца, и думать не стоит. Я не собиралась делать глупо-

стей. У меня оставалось одно проверенное средство. Увы, на людях Лютого оно не сработало, они даже не слушали, но сейчас...

Оказавшись в машине, я быстро глянула на мужчину, что втащил меня в салон и прошептала:

– Я заплачу, если вы отвезёте меня к отцу. Он...

– Труп, если не заткнёшься, шваль, – процедили мне в ответ, впихивая в автомобиль подвывающую Элю.

– Миллион, – не сдавалась я. – Два миллиона! Сколько вы стоите?

– Больше, чем ты, можешь предложить, шлюха, – выплюнул мужчина и, хлопнув дверцей, захохотал: – Миллион мне предложила!

Ему вторили другие, слышались голоса, а я осторожно попыталась выбраться из машины, но та оказалась заперта.

Вскоре водитель – тот самый непрошибаемый, я по форме орлиного носа его узнала, – уселся в автомобиль, и мы двинулись с места.

– Эля, – шёпотом обратилась я к врачихе. – Кто они?

– Молчать!

С переднего сидения мне в щёку уткнулось пахнущее железом и оружейной смазкой дуло автомата. Я быстро отодвинулась и, вжимаясь мгновенно вспотевшей спиной в прохладную кожу сидения, задрожала. В животе всё скрутилось до ноющей боли, перед глазами заплясали пятна. Что будет дальше? Неужели есть кто-то сильнее отца и Лютого?

Чёрный глаз дула, неотрывно наблюдающий за мной, не давал выдохнуть. Сердце подскочило к горлу, когда я встретилась взглядом мужчиной, что сидел рядом с водителем. Он направлял на меня оружие с легкой усмешкой и, наслаждаясь моим страхом, качал оружием и рассматривал меня.

Водитель, удерживая руль левой рукой, правой отвёл автомат и что-то тихо сказал соседу. Тот хмыкнул, но сразу отвернулся. Я же выдохнула с облегчением и неосознанно прижала ладони к животу.

Как же нам спастись? Машина заперта, меня не воспринимают всерьёз, считая «шлюхой» Лютого. Эля, не отрывая руки от лица, тихонько плакала. Я заметила, что на щеке её расплылась синяя клякса гематомы. Сволочи.

Но сдаваться я не собиралась.

– Послушайте, – стараясь, чтобы голос звучал по-деловому сухо, громко заговорила. Мужик с автоматом среагировал мгновенно, поднял ствол, направил на меня. – Мужчина по кличке "Лютый" похитил меня и удерживал силой. Если вы позвоните моему отцу...

Сосед водителя резко развернул плечи и протянул руку через салон. Дуло автомата больно ткнулось мне в лицо:

– Если не заткнёшься, блядь, – хрипло предупредил он, с силой нажимая на мои губы, – то я сделаю это членом. Поняла?!

Взгляд его стал почти чёрным, водитель одобрительно хмыкнул, и у меня снова перед глазами заплясали пятна от накатившей тошноты. Я сжалась в комок и, обхватив колени, постаралась даже дышать через раз.

Эля вытирала слёзы и смотрела в окно. Кажется, она переживала за Лютого, я же надеялась, что его хорошо приложило теми железками. О том, что он бросился закрывать меня, даже не думала – на меня уроду наплевать, он ребёнка защищал.

Глава 14

{Ангел}

Пока я пыталась придумать, как заговорить с похитителями так, чтобы они поняли, кто я, и осознали, что могут получить за меня деньги, машина затормозила. Нас с Элей бесцеремонно вытащили из машины и повели в дом. Я не разглядывала его, смотрела лишь на окружающую его стену и скользила взглядом по многочисленным людям с оружием.

Перед нами в дом внесли Лютого, и Эля тихонько всхлипнула. Я же воспользовалась заминкой, чтобы осмотреться в холле. Заметив пожилую женщину, вцепилась в неё взглядом и беззвучно прошептала:

– Помогите. Умоляю. Позвоните в полицию. Помогите!

Женщина опустила глаза и, засуетившись, быстро удалилась. Меня толкнули в спину, повели по коридору. Тканевые обои благородного бордового оттенка мерцали в искусственном свете, тяжёлые шторы на окнах наглухо задёрнуты, ковёр под ногами скрадывал звук шагов. Лишь тяжёлое дыхание тех, кто тащил Лютого и всхлипывания Эли нарушали тишину дома.

Когда распахнулись тяжёлые из тёмного дерева двери, я царапнула взглядом стоящего к нам лицом мужчину лет пятидесяти. Холёное лицо, ухоженные седые волосы, сшитый на заказ идеально сидящий на поджарой фигуре костюм – похоже на человека нашего круга, но я не знала его, никогда не встречала.

На меня он не смотрел, лишь глянул на плачущую Элю и недовольно нахмурился. Глянул на того, кто тащил меня:

– Что произошло? Почему Лютый без сознания?

– На него станок упал с блинами, – виновато, будто это он уронил железяки, ответил удерживающий меня. Подтолкнул меня к мужчине: – Эту собой закрывал.

Тонкие губы на холёном лице дрогнули, но хозяин дома не прокомментировал. Лишь кивнул своим людям:

– Привести в чувство.

Лютого усадили на большой крепкий стул и, привязав, расступились. Один из незнакомцев принёс наполненную водой банку и вылил всё на голову моего мучителя. Шрам дрогнул, шумно выдохнул и дёрнул головой.

Хозяин, не обращая внимания, что дорогуший ковёр заливают смешанная с грязью и кровью вода, подошёл к Лютому и наотмашь ударил его по лицу. Я и сама была в опасном положении, но не смогла сдержать удовольствия от увиденного, улыбнулась.

Столкнувшись взглядом с обернувшимся хозяином, тут же поджала губы и опустила голову. Но, увы, внимание уже привлекла. Мужчина неторопливо приблизился и, поочерёдно окинув меня и Элю оценивающим взглядом, с безразличием произнёс:

– Ты обещал убраться, но мало того, что отпустил её, так ещё и в своё логово при- тащил.

Он снова посмотрел на Лютого, а я видела, как начала вздыматься грудь привязанного к стулу уroda. Шрам точно очнулся.

Я же после услышанного судорожно втянула щиплющий гортань газ, который ещё недавно был воздухом, да задрожала всем телом. Вспомнила, как сжал Лютый пальцы на моей шее, как попытался задушить, но почему-то отпустил и, выбросив из машины, исчез из моей жизни. Жаль, что не навсегда.

– Почему? – глядя на мужчину в аккуратном костюме, шептала я. – За что?

Внешне аккуратный и собранный, с обаятельной улыбкой и открытым взглядом, он про- износил чудовищные слова. Этот человек нанял Лютого убить меня? Что я сделала?

– Как это понимать? – ухмыльнулся мужчина. – Так понравилось трахать Кирсанову, что забыл, как её папочка изнасиловал и убил твою жену?!

Лютый дёрнулся, как от удара, а я забыла, как дышать. Лицо будто коркой льда покрылось. Я пролепетала:

– О чём вы? Папа никого не убивал...

Хозяин дома, не обращая на меня внимания, ходил вокруг Лютого и поглядывал, как тигр на добычу:

– А как же месть и справедливое возмездие? Лютый! Смотри на меня! – Он дёрнул мужчину за волосы и заглянул в глаза: – Подставишь Кирсанову другую щеку? Или свою жопу?!

Лютый дёрнулся, а хозяин дома, размахнувшись, ударил его по лицу кулаком. По губам Лютого потекла кровь.

– Убей её немедленно, или нашему договору конец, понял? Ты никогда не найдёшь своего сына!

Лютый молчал, лишь буравил меня исподлобья жутким черным, как бездна, взглядом.

– Да что я вам сделала? – с трудом сдерживая слёзы, выкрикнула я. – Почему вы меня так ненавидите? Ответьте!

Но хозяин дома снова проигнорировал меня. Он не отрывал взгляда от Лютого. И, когда тот упорно молчал, злобно процедил:

– Или ты сделаешь это, или умрёт ещё одна твоя женщина. – Лютый напрягся всем телом, а хозяин дома быстро глянул на мужчину с автоматом и кивнул на Элю: – Шлюху в расход.

Щёлкнул затвор, и время будто замедлилось. Я смотрела, как поднимается автомат, как прицеливается мужчина, и ноги подкосились. Вцепившись в руку окаменевшей от ужаса Эли, я не могла оторвать взгляда от дула. Внутри меня будто разлился жидкий азот, тело заледенело, я поверить не могла, что это происходит на самом деле.

Хозяин рявкнул:

– Не здесь, кретин!

Эля, воспользовавшись заминкой, рухнула в ноги мужчине и, обвив руками его колени, быстро заговорила:

– Не убивайте! Я... врач. Не женщина Лютого. Он просто нанял меня. – Она вскинула голову и жарко добавила: – Я не нужна Лютику, поверьте. Уж я старалась, но он и не смотрит на меня, как на женщину. Я врач, всего лишь врач! Приходила в дом Лютого, чтобы помочь Ангелине...

– Помогать? – прищурился хозяин.

– Да-да! – быстро закивала Эля и бросила на меня торопливый взгляд: – Сложная беременность, отрицательный резус-фактор, и состояние у неё неважное...

– Беременна?!

– С-сука... – тихо процедил Лютый и тряхнул головой.

От грохнувшего над головой выстрела, что, казалось, заполонил гулом всё пространство комнаты, снова стало невозможно дышать, будто воздух мгновенно стал смолой.

Никто не упал, не умер. Только штукатурка посыпалась с высокого потолка. Но мне было так страшно, что я едва не упала следом за Элей.

Нет, я не сломаюсь. Не опуская голову, я немислимым усилием взяла себя в руки и, пытаюсь справиться с ужасом, сказала:

– Я – Ангелина Кирсанова, а этот человек, показала взглядом на Лютого, – изнасиловал меня и похитил. Когда мой отец узнает, где я, вы все пожалеете!

Мужчина расхохотался и, шагнув к одному из своих людей, выхватил из ножен кинжал. Похожий на тот, что был у Лютого на столе, с зазубренным лезвием. Металл сверкнул тёплым искусственным светом, а по моей спине поползли капли холодного пота.

Нежно покручивая в руке оружие, будто наслаждается его тяжестью, мужчина скользил по мне противным взглядом. Это был не взгляд ненависти, как у Лютого, это был уничтожающий и голодный взгляд хищника, который собирается съесть куропатку.

Я покачнулась и, ухватилась за что-то, чтобы устоять, не обратила внимания на смешок одного из незнакомцев, в чью руку я вцепилась. Какая разница? Я не могла оторвать завороченного взгляда от лезвия, а язык приклеился к нёбу и не хотел двигаться.

Хозяин дома вдруг повернулся и направился к Лютому.

Схватил его за черные волосы и, рванув, поднял голову, чтобы тот смотрел в его лицо.

– Значит, не убил, потому что забеременела от тебя? – Отпихнул Лютого, и голова того безвольно упала вперед: – Слабак!

Уголок безумного рта дёрнулся, когда мужчина шагнул ко мне и, поигрывая ножом, приподнял густые брови.

– Не можешь убить, потому что в ней твой ребёнок? Я помогу. Избавлю от маленького препятствия, которое не даёт завершить месть и выполнить наш договор.

Я отступила к стене, пронзённая тёмным взглядом чудовища. То, как этот человек смотрел на меня, не давало ни малейшей надежды, что мучитель услышит мои мольбы и сжалится.

– Пожалуйста, – немеющими губами прошептала я. – Не надо. Пожалуйста...

Уперлась лопатками в преграду и, понимая, что отступить мне некуда, и никто не поможет, задрожала всем телом. По щекам покатились слёзы.

– Не надо, – всхлипнула я, ощутив, как лезвие кольнуло живот. Вцепилась в него обеими руками и, пытаясь не дать себя пронзить, прорыдала: – Не делайте этого! Умоляю...

Боль пронзила ладони, но мне было плевать. Я пыталась задержать, медленно проникающий в моё тело нож, спасти единственное, что удержало меня этом мире. Ребенка от врага.

И тут услышала голос Лютого.

Глава 15

{*Лютый*}

– Хочешь продолжать спектакль, отойди от нее.

У меня гудела голова, тошнота стояла под горлом, я едва понимал, что от меня хотят, и что я здесь делаю. Но умоляющий крик Кирсановой будто отрезвил. Прошил стрелой позвоночник и раздвинул разбитые губы.

– Отойди от нее, или сделка отменяется.

Сказал громче и уверенней, хотя от вида капающей на пол крови под ногами Ангелины, и ее побелевшего лица, я напряг руки за спиной так, что затрещали путы. Я их всех, до единого, порву голыми руками, если с ребенком что-то случится.

Чех повернулся с выражением лица "что-то еще?", а Кирсанова резко осела на колени и прижала к животу окровавленные руки. Меня это поразило. Почему она так отчаянно защищает этого ребенка? Не себя, а его. От этого было больно дышать, потому я не дышал, а смотрел в глаза тому, кому обязан жизнью.

Чех сразу понял, что разговор не для лишних ушей, потому взмахом руки отпустил охрану. Педантично вытер нож платком и положил его на стол.

– И суку можешь забрать, пусть мальчики поиграют, – я скривился, взглянув на Эльку. – Мне она больше не пригодится.

– Лютик! – закричала врачиха. – Нет, пожалуйста. Я не хотела. Прости, прости, прошу тебя.

Ее вывели быстро, я даже не смотрел вслед, потому что видел только синие озёра глаз в слезах. Безмолвно умоляющие пощадить.

Не будет пощады, детка.

Один из охранников подошел к Ангелине. Она тихо скулила на полу, стоя на коленях и глядя на меня так проникающе, что у меня мороз по коже пошел. Мне лишь на миг стало ее жаль, а потом ненависть снова вернулась. Оглушающая, удушающая. Теперь я тебе за все отомщу, скотина Кирсанов. Даже за то, что у тебя красивая, сука, дочь. Особенно за то, что она невыносимо похожа на Милу.

– Девка нужна мне, – я подчеркнул второе слово интонацией. – Для дела.

Чех поддержал меня кивком, и через несколько минут комната опустела. Лишь из коридора все еще слышалась истерика предательницы, что, спасая свою шкуру, чуть не погубила моего малыша. Я такое не прощаю. В моем доме ноги ее больше не будет. И лучше ей не попадаться на глаза – убью тварь.

Чех взял второй стул и, установив его напротив меня, уселся.

– Слушаю.

Я зыркнул на Кирсанову, надеясь, что она не истекает кровью, и то, что я дальше скажу – будет иметь хоть какой-то смысл.

– Я женюсь на ней, – выдохнул-вдохнул через разбитый нос. Подхватил губами недостаток воздуха. Будто яду глотнул или стекла в грудь набил. Ненавижу ее, тварь, ненавижу за то, что придется пойти против себя.

Густые брови Чеха поползли на лоб:

– Жениться?! Неужели у девки волшебная дырка, ради которой ты готов простить её отцу убийство жены и забить на поиск сына? Я тебя не узнаю, Лютый.

Поджал горящие губы и плеснул в сторону Кирсановой еще больше ненависти во взгляде.

– Я никогда этого не прошу, – прошипел сквозь зубы, не отрывая глаз от дрожащей на полу девушки. – Потому и иду на такой шаг. Кирсанова – единственная наследница и мой рычаг давления на Крысу. Если мы окажемся с ней, – прищурился, – настоящей семьей, с детишками

и счастливыми лицами, – меня перекосило от лжи, которую я выплескивал из своего рта, – папочка подпустит меня к себе. Можно будет подорвать империю изнутри. Тебе ли не знать, что нужно делать? – я ехидно усмехнулся и перевел горящий злобой взгляд на Чеха.

Жёсткая ухмылка медленно сползла с лица Чеха, мужчина медленно провёл большим пальцем по подбородку – жест, который всегда выдавал его на покерном столе, – и процедил:

– Хочешь сказать, что сделал девке ублюдка, чтобы сильнее надавить на Крысу? – Задумчиво пробормотал: – Заманчиво... И в в осиное гнездо залезешь, и Носов останется... – Он хмыкнул: – С носом. – Он вздохнул и покачал головой: – Нет, Лютый. Крыса не дурак, он не поверит тебе, не подпустит... Да и девка сразу настучит. Нельзя ей жизнь оставлять, слишком много знает. К тому же, пока она жива, Носов от плана не откажется. Тебя грохнут, а вдову подберут.

Ублюдок слишком умен. Я усмехнулся.

– Ну тогда грохни. Чего ты медлишь? Ты знаешь, что мне похрен на эту шваль. Я оставил ее при себе для дела, а ты сам решаешь – стоит оно свеч или нет. Мое дело маленькое – сделать так, чтобы она молчала, – я перевел взгляд на застывшую в ужасе Кирсанову. – А она будет молчать, гарантирую, – и оскалился так, что девушка поежилась.

Чех резко поднялся, заложив руки за спину, отвернулся. Плохой из него игрок, потому и проигрывал столько лет этим двоим. Видно, что хочется ему большего, но сомневается.

Чех прошелся по комнате и, остановившись напротив Кирсановой, лизнул взглядом по её окровавленным рукам.

– Обещаешь, что молчать будет? – глухо переспросил он, не отрывая взгляда от сжавшейся и затаившей дыхание девушки. – Поклянёшься жизнью своего сына, Лютый, что она пасть не откроет? Если, он ещё жив, конечно... – Развернулся и пронзил меня жёстким взглядом: – Ну?

– Если откроет, – я озверело смотрел на девку и понимал, что рою себе могилу. Плевать! – Пристрелишь меня.

– Нет, – с отвратительной улыбкой протянул Чех. – Не так просто, Лютый. Я обещал тебе найти сына, я его найду! Но если шлюха рот откроет, я ему кожу собственноручно сдеру с живого, понял?!

Глава 16

{Лютый}

Я скользнул взглядом по полу, чтобы скрыть свою панику. Или бешенство? Не знаю, но играть на жизнь сына совсем не было желания. А что оставалось делать? Рискнуть любимым ребенком, чтобы сохранить нерожденного? От врага? Издевательство!

– Сделаешь, как считаешь нужным, – ответил ровно и поднял уверенный взгляд на Чеха. Если и это не поможет, придется только рвать путы и душить старика – подписывать себе вышку.

Он ухмыльнулся так самодовольно, что стало ещё противнее. Подхватил со стола нож и приблизился к Ангелине. Присел на корточки и, поглаживая белую от ужаса девушку острием по щеке, нежно пропел:

– Заикнёшься обо мне, я из тебя ублюдка от Лютого вырежу и Крысе на тарелочку положу, ясно? Не думай, что не узнаю. У меня везде свои люди есть, помни об этом, красавица.

Ангелина молча смотрела на него, и в её глазах плескался дикий ужас и бессильная ярость, а я видел, что девчонка держится из последних сил. Вот-вот в обморок упадёт от потери крови, но упрямо прижимает ладони к окровавленному животу.

Чех погладил её губы острием, а затем резким движением отвёл кинжал и разрезал стягивающую волосы в хвост резинку. Подхватив тонкую прядь, отсек её и поднялся.

– Я свяжусь с тобой, Лютый, как влезешь в доверие к Крысе.

Чех подошёл ко мне и, одним движением рассёк удерживающие меня путы, царапнув при этом кожу. Уверен, он это сделал намеренно. Большой ублюдок обожал всё резать.

– Учти, в твоих интересах сделать это быстро.

И, усевшись за дорогой дубовый стол, милостиво взмахнул ножом:

– Забирай шлюху.

Я размял затекшие кисти и покосился на девушку. А теперь, красатуля, начинается самое страшное. Только неизвестно для кого.

– Волчару вызови, пусть заберет нас, – довольно мягко сказал, повернувшись к Чеху. Я тяжело поднялся со стула, но меня немного повело от слабости, пришлось опереться ладонью о стол. – Можно я одолжу на пару сек? – Я показал на нож в его руке.

Он коротко усмехнулся и бросил кинжал на стол. Потянулся к карману пиджака и вынул смартфон, тоже положил передо мной:

– Пальцы не сломаны? Я тебе не секретарша, мальчиков вызывать!

Серый понял с двух слов, куда ехать и почему. Он будто ждал. Я вернул мобильный и, подхватив кинжал, пошел напрямиком к Кирсановой. Присел около нее, заглядывая в мутные от слез глаза, а потом спросил:

– Один раз спрашиваю. Выйдешь за меня?

Она медленно подняла голову, и белея на глазах, медленно опустила мокрые ресницы, выражая согласие. Лишь шепнула едва слышно:

– Спаси... нас...

И медленно завалилась на бок, окровавленные руки безвольно упали на бордовый ковёр.

Я сжал зубы до скрипа. Жалость. Снова эта жалость пробралась в сердце. Раздвинула ребра и сделала меня мягким.

Я отрезал полоску футболки, перевязал наспех худые руки Кирсановой. Глубоко порезал ее Чех, и времени прошло много. Пока я заматывал ладони, заметил, как у самого руки дрожат. Я боялся за нее, ведь и так слаба, ребенка еще скинет. Кого потом винить? Только себя.

Набрав в грудь побольше воздуха, запустил под девушку руки и потянул на себя. Легкая, будто перышко, и холодная, как... сука... как Мила.

Я не прощался с Чехом, много чести. Толкнул ногой дверь и вышел прочь. На улице нас встретил Серый – сто пудов ждал у ворот моего звонка. Он всегда такой – думает наперед.

– Эля где? – сухо спросил Волчара.

– Забудь о ней.

Я не питал иллюзий. Чеху была нужна жертва.

Глава 17

{Ангел}

Я плавала в тёплом влажном тумане, то выныривая в жёсткую холодную реальность, то вновь погружаясь в мягкость забытья. В моменты просветления у меня ныли ладони, словно я снова шестилетняя девочка, что так неловко схватила горячий ковшик. Мама дула мне на ранки и смазывала их специальной мазью.

Я ощутила прохладной дыхание на коже руки и улыбнулась. По щеке скользнула слеза, когда я пробормотала, не открывая глаз:

– Я скучаю по тебе...

Схватила за её руки. Такие большие и любимые... И тут живот пронзила резкая боль. Я охнула и распахнула глаза. Столкнувшись взглядом с тёмными глазами Лютого, обмерла. На голове Лютого белела повязка, на лице выделялся бежевый пластырь.

В одно мгновение в памяти всплыли и его резкие движения на мне тогда, в машине, и его плотно сжатые губы, когда на мужчину упал станок с металлическими блинами.

Я отпихнула руки мужчины, в которые вцепилась во сне своими перебинтованными и судорожно отползла от него по скрипящей крахмалом простыне. В мгновение в душе поднялись тёмные волны ненависти и, захлестнув меня с головой, остались на языке металлическим привкусом. Я застыла изваянием, не сводя настороженного взгляда с уroda, словно на бешеного волка, ожидая от него чего угодно.

– Не трясись, – он криво растянул губы, – невеста. Тебе придется ко мне привыкать, даже улыбаться, даже прикасаться без отвращения, ведь твой папочка быстро поймет фальшь, а мы должны казаться счастливой парой. Твое молчание за его, – он опустил темный взгляд на мой живот, – жизнь. Помнишь уговор?

Я сглотнула подкативший к горлу ком и прижала руки к животу. Ощувив повязку, похолодела и спросила деревянным голосом:

– Что с ним?

– Пока жив, – Лютый тяжело встал и отошел от кровати к окну. Его походка казалось тяжелой и неровной, будто его качало в океане на большом корабле. Он обернулся и, прищурившись, сказал: – И ты будешь жива и в безопасности, пока он цел. Советую не нервничать и доносить ребеночка здоровым.

Я бы рассмеялась, да только, кажется, за эти недели я забыла, как это делается. Он издевается? Ответила, стараясь, чтобы голос мой не дрожал и звучал по-деловому:

– Спасибо за совет. Я обязательно сделаю всё возможное, чтобы он остался цел.

Как мне хотелось добавить «и подальше от тебя», но я понимала, что этот страшный человек не отступит. Он вбил себе в голову, что мой отец совершил немыслимое преступление, и будет мстить. Страшно мстить.

Раздался вежливый стук, и в комнату вошла девушка. Она улыбнулась Лютому одновременно зазывающе и испуганно, будто сама боялась своих желаний. Игриво сообщила, что время укола. Лютый не сдвинулся с места, и девушка, приблизившись, принялась нежно протирать тампоном его оголённое плечо. Обрисовывала бицепсы, будто собиралась туда сотню уколов сделать, а не один.

Я поразились беспечности медицинской сестры. Шрам как дикий зверь, набросится, если она вызовет в нём инстинкт охотника, сорвёт одежду и разложит прямо тут, при мне – я в этом не сомневалась. Если не задрал девушке юбку, значит, она его не заводит.

А вот на меня посматривает так, что холод по спине прокатывается. Я кожей ощущала, как взгляд Лютого царапает мне грудь и живот. О чём он в этот момент думает, нетрудно

догадаться, и от этого начинало тошнить. Взгляд, полный животного желания и прожигающей ненависти давил, терзал, мешал дышать.

Если верить едва не проткнувшему меня ножом подонку в дорогом костюме, Лютый собирался не только изнасиловать меня, но и убить. Не знаю, почему он не сделал этого тогда, зато уверена, что теперь, когда вот он так смотрит на меня, позволяет жить лишь из-за ребёнка.

Я видела, как шрам вздрагивал, когда тот человек говорил о мальчике, с которого хотел живьём снять кожу. Меня и саму передёргивало. Это не люди – звери! И я волею злой судьбы оказалась в лапах беспощадных хищников.

Пока медсестра осторожно вводила иглу Лютому, я сверлила яростным взглядом его до ужаса широкую и мощную спину. Слышишь ты, урод? *Моего* ребёнка! К которому ни ты, ни кто-либо другой отношения не имеет.

И чтобы защитить его, мне предстоит стать хитрее и беспощадней. С волками жить...

Когда девушка входила, я заметила в коридоре три тёмных фигуры – люди Лютого. И думать не стоит, чтобы сбежать. Даже если мне, ослабевшей, удастся ускользнуть от изверга, из этой клиники – явно частной и купленной моим врагом – меня не выпустят.

Можно было попробовать подкупить медсестру и, переодевшись в её халат, обмануть охрану, но Лютый, судя по мятой одежде и скомканному покрывалу на кожаном диванчике, что стоял у противоположной стены, не покидал палату. Я не строила иллюзий – на меня ему было плевать, он беспокоился лишь о ребёнке. И мести.

Можно ли довериться странной привязанности подонка к зачатому насильно малышу? Рискну ли я ступить на этот тонкий лёд, понимая, что под ним простирается пропасть, на дне которой острые скалы?

Сейчас приходилось выбирать меньшее из зол – то, которое позволит мне выжить и защитить моего ребёнка. Я помнила каждое произнесённое в том богатом доме слово, каждый взгляд. И хоть сама едва дышала и почти теряла от боли и потери крови сознание, слушала и запоминала.

Нет, конечно, я не верила, что папа мог сделать что-то настолько ужасное, как говорили эти люди. Но месть изуродованного человека ужасна и реальна. Настолько, что Шрам даже желает жениться на мне, чтобы подобраться к моему отцу.

Я приняла решение и с усилием поднялась с постели. Живот тянуло, израненные ладони ныли, но я сделала шаг, второй и, не отрывая взгляда от ненавистного врага, отмела последние сомнения. Я помогу тебе войти в наш дом, Лютый. А оттуда тебя уже вывезут в гробу.

Любуясь, как бережно и нежно нажимает на поршень шприца медсестра, осторожно вводя лекарство, я нарушила звенящее молчание:

– Раз ты решил жениться на мне, мне стоит представить тебя моему отцу... – Выдавила, стараясь не выдать чувств: – ...Жених. Можем ли мы не откладывать этот визит и поехать прямо сейчас?

Мужчина повернулся всем телом и, не обращая внимания ни на испуганно вскрикнувшую медсестру, ни на сломанный шприц, ни на иглу в своей руке, шагнул ко мне и, протянув руку, схватил меня за шею.

Глава 18

{Лютый}

– Пошла вон, – проговорил я так низко, что в груди загудело. Обращался к медсестре, а смотрел на Кирсанову. Быстрые шаги не заставили себя ждать, за ними хлопнула дверь. – Анге...лина, – передернулся от неприязни. Ее имя звучало инородно. – Ты что-то не услышала? – повернув девушку за плечи, усадил ее на кровать, вырвал из себя остаток капельницы и, не обращая внимания на струйку крови, снова схватил Кирсанову за шею. Помягче, чтобы не задушить случайно – она мне еще нужна. Приподнял подбородок, чтобы девка на меня смотрела и осознавала, во что вляпалась. – Это не брак по расчету, ми-и-илая, это не свадьба безумно влюбленных... Это – откуп. Ты дала слово и если нарушишь, наказывать не буду, я просто убью тебя. Тогда не убил, людей подставил, нарушил приказ, а теперь рука не дрогнет. Можешь сколько угодно притворяться ангелочком, я никогда в это не поверю, но пользоваться твоим прекрасным телом буду. Ты теперь моя, ясно? Пока я не наиграюсь. Или не сдохну. С папочкой мы встретимся тогда, когда ты будешь официально моей женой и будешь смотреть на меня, как на того, с кем готова прожить до смерти. Поверь, так и будет. Я помиловал тебя. Помиловал, сука. Цени это и делай то, что тебе говорят.

Она судорожно сглотнула, но не ответила. Задумала что-то, это видно по бегающим глазам и дрожащим ресницам. Стало неприятно от следующего шага, но придется, иначе никто в этот фарс не поверит.

– Приоткрой рот, – хрипло приказал я, наклонившись. Договорил шепотом, слегка касаясь ее прохладных сжатых губ: – Поцелуй меня, не как врага, а как будущего мужа. Сделай все, чтобы я поверил в то, что ты хочешь сохранить жизнь себе и ребенку.

Она судорожно задышала, лицо побелело, а зрачки расширились. Вцепилась мне в плечи, словно не понимая, что делает. Думал, сейчас обмякнет подо мной, растечётся в обмороке, но девка сжалась ещё сильнее, распахнула огромные синие глаза и, не отрывая от меня взгляда, на миг прижалась к моим губам.

Тут же отпрянула и, подрагивая всем телом, как облитая ледяной водой кошка, процедила звенящим от ненависти голосом:

– Доволен?

– Так целуют покойного дедушку, провожая в последний путь, – зло бросил я и, подавшись ближе, запустил руку в ее мягкие волосы, потянул на себя. Ненавижу суку до замирания сердца, но хочу до ускорения пульса. Понимаю головой, что испытывать вместе и неприязнь, и желание – нереально, но разрываюсь. Меня она заводит. Необъяснимо. Бредово. Не иначе. – А вот так целуют жениха... – коснулся языком дрожащих губ девушки, нажал рукой на затылок, заставляя ее прижаться ко мне, выдохнуть остатки воздуха мне в лицо, и пробрался в сладкий рот.

Она не отвечала. Упорно. Будто холодная мумия дрожала в моих руках. И я люто взбесился.

На миг оторвался, дернул футболку вверх, осторожно, но напористо сжал ладонью налившую грудь, и когда девушка ахнула, снова проник в порочный ротик. Терзал язык так, что у самого пар из штанов чуть не пошел. Изучал. Ласкал. Доводил до сумасшествия. И себя, и Кирсанову.

Она забилась, будто птица в силках, замычала, попыталась выкрутиться. Даже укусила, тварь! Поцелуй обрёл вкус крови и соли. По щекам дикарки бежали слёзы, но больше всего бесило, что Кирванова так и не закрыла глаза. Смотрела на меня, прожигала гневным взглядом. Но сосок под моими пальцами затвердел, налился бутоном.

Стало гадко. Ненавижу ее. Встряхнул за плечи, чтобы знала, как себя вести, чтобы была покорной, но, увидев, как сжалась, боясь, что ударю, отпихнул ее от себя и рассвирепел:

– Ничего, сука, ты еще научишься притворяться! Я тебя усмирю и научу подчиняться. Не думай, что мне приятно прикасаться к тебе. Ты – плод моего врага, всем нутром тебя ненавижу. Именно твой ублюдок отец пришел в мой дом и забрал все, что у меня было. И он будет долго мучиться, я буду тянуть из него жизнь по капле, мучить и пытаться, пока эта тварь не отдаст моего сына!

Волна негодования захлестнула лицо, зубы заскрипели, а глаза налились кровью. Пусть Кирсанова знает, что я щадить ее не собираюсь. В волне жуткой агрессии, которую приходилось держать в узде, меня замутило. Я немного покачнулся на ровном месте и тише добавил:

– Никогда не предавай мое доверие, Ангел...

Дыхание спирало, и тошнота стояла под горлом. Я шагнул ближе к девушке, снова сжал двумя пальцами подбородок и потянул ее голову максимально вверх. Светлые волосы просыпались на дрожащие плечи. Ангелина зажмурилась, обмывая мои грубые руки ручьями слез. Будто боялась, что придушу на месте.

– Не больно ты стараешься спасти жизнь своему ребенку, Лина. За себя пеклась, когда за кинжал Чеха хваталась, признавайся?

Я поднял свободной рукой ее перемотанную ладонь. Не давил, нет, но она затихла и насторожилась. Знала бы, чего мне стоило сделать это движение, давно бы убила на месте. Да хоть этой иглой от капельницы – легко распорол бы мне шею. Если бы умела причинять боль другим.

– Отвечай, – скрипнул я зубами, едва удерживаясь на ногах. В глазах стало мутно, в носу мокро, в голове остро запульсировало, но я, как баран, ждал ответа. – Если жить не хочешь, зачем согласилась на эту игру? Просила меня спасти... – я скривился, – ...«нас», а теперь в позу? Ты думаешь, что я с тобой с крестики-нолики играю?

Она что-то ответила, но я не услышал. Меня выбило в шипящий тишиной эфир. Горло сжало спазмом, а муть резко превратилась в темноту. Сильные некогда ноги подкосились, и я свалился мешком на пол.

Глава 19

{Ангел}

– Не надо, – шептала я, глотая, катившиеся от страха слёзы, но Лютый будто не слышал. – Не надо так...

Говорил, говорил, говорил – будто гвозди в меня вбивал – а потом вдруг завалился на меня, придавил всей массой. Я уже наученная задержала дыхание и горько усмехнулась про себя: мне стало привычно выдерживать его тяжесть?

Крикнула:

– Эй, там! За дверь. Ваш Лютый отключился.

Не сумела скрыть радости в голосе. Разумеется, я понимала, почему шрам свалился. Судя по повязке, упавшие на урода металлические блины всё же ему навредили. Жаль, что не убили.

В палату заглянули охранники, ввалились внутрь, с меня стянули тяжёлое тело, уложили на кровать, я же отошла к стене и, поглядывая на дверь, пыталась поймать нужный момент, чтобы улизнуть.

Но один из охранников не сводил с меня глаз и всегда находился между мной и дверью, будто ему приказали следить за мной. Но больше меня нервировала его рука, что поглаживала удерживаемую ремнём брюк кобуру.

Влетел доктор, крикнул:

– Каталку сюда! Быстро в реанимацию!

Я встrepенулась, ощутив призрачный шанс на спасение. Но охранники преградили путь взволнованной медсестре.

– Лютый запретил увозить его, даже если ему станет плохо. – Процедил один из мужчин и глянул на меня: – Так и сказал: «Где она, там и я».

Врач раздражённо взвился:

– Поймите, что у вашего босса сотрясение мозга! Мало того, что травма сильная, так он ещё и от постели женщины столько времени не отходил! Без сна, без отдыха.... От лечения отказался. Поэтому ему хуже стало. Необходимо немедленно провести томографию, иначе...

Он расписывал последствия беспечности их босса, но на охранников это не действовало. Глядя в каменные физиономии мужчин, даже я понимала, что доктор лишь тратит время. Он и сам догадался, лишь буркнул зло:

– Больше Лютый ничего не приказывал?

– Избавиться от женщины, если он умрёт, – тихо так, что услышала лишь я, ответил один из охранников.

Его тихий голос, казалось, прозвенел набатом. Захотелось закрыть уши и закричать от безысходности. Я беременна от насильника, который требует стать его женой, чтобы убить моего отца, а меня, если что пойдёт не так, безжалостно убьют! И никому... НИКОМУ! Никому нет дела до моего малыша.

Лютый лишь делает вид... Или у него срабатывает некая странная отцовская забота: мой нерождённый ребёнок взамен пропавшего. Жаль его, конечно, но ничего не оправдывает того, что Лютый сотворил со мной... И тем более нет никаких оправданий тому, что собирался сделать!

Прижимаясь спиной к прохладной стене, я смотрела, как люди в белых халатах возятся с Лютым, и молилась об одном: сдохни! Просто перестань дышать, и всё наладится. Я спокойно выношу твоего ребёнка, рожу его и попытаюсь забыть, как он был зачат.

Возможно, со временем, я даже научусь не ненавидеть отца своего ребёнка так отчаянно. А может, и нет. Но сейчас от тебя нужно одно – оставить нас. Не мучить. Уйти!

Перед глазами пронеслась картина счастливого будущего: я веду за руку моего сына, почему-то я была уверена, что родится мальчик, светит ласковое солнышко, над головой перламутрово переливается стыдливо прикрытое листьями парковых деревьев небо, а малыш спрашивает: «А где мой папа?».

Я вздрогнула и прижала руки к животу. И что я отвечу? Что стояла и смотрела, как он умирает? Что желала смерти тому, кто дал ему жизнь? Сжала челюсти и мотнула головой: Лютый бы стоял и с наслаждением следил, как я испускаю дух!

В груди будто ржавый гвоздь провернули. Я не хотела признавать, что это может и не быть правдой, отчаянно хваталась за ненависть. Нашу обоюдную лютую ненависть. Ненавидеть лучше, чем испытывать боль и отчаяние.

Нет, нельзя поддаваться эмоциям, нужно попытаться мыслить здраво. Ради ребёнка я не могу потерять голову и сделать опасный выбор. Так можно зайти очень далеко... откуда не возвращаются.

Я снова скользнула тревожным взглядом по охраннику, что стоял между мной и дверью. Эти люди не волнуются за Лютого, не отвлекутся, даже, если он умрёт. А потом... Я сжала челюсти до ноющей боли. Да даже если мне удастся сбежать, это не будет означать конец мучениям.

Нельзя забывать, что Лютый лишь исполнитель, что тот страшный человек с кинжалом может нанять другого уroda. Что сделают с папой? Со мной?.. С ребёнком!

Я с усилием втянула воздух, осознав, что стояла не дыша так долго, что уже потемнело перед глазами. Лютый мой единственный шанс выжить и выяснить, что желает тот человек, спасти нашу семью.

Я отлепилась от стены и спокойно пошла к выходу.

Как и следовало ожидать, путь мне преградил мужчина с пистолетом. Я даже не удостоила его взглядом, обернулась и спросила другого:

– Лютый сказал, чтобы он был там, где я? – Не дожидаясь ответа, коротко кивнула: – Я иду в реанимацию. Можете взять каталку или тащить его сами – мне без разницы.

И, обойдя опешившего охранника, босиком направилась по коридору.

Конечно, охранники тут же организовали каталку, повезли Лютого, колеса загремели по кафелю. Медсестра показывала путь, а доктор потянул меня за руку:

– В реанимацию посторонним нельзя.

– Я не посторонняя, – вырвалась я и добавила глухо: – Я невеста Лютого. А у его людей всё ещё есть приказ держать его там же, где я. У вас остались вопросы?

Присела на кушетку, потому что было трудно стоять. Голова кружилась, живот ныл, а ладони ломило. Хотелось попросить обезболивающего, но я боялась навредить малышу, поэтому терпела.

Наблюдая за склонившимися над Лютым докторами, я пыталась смириться с принятым решением. Ведь это не был брак по расчёту, как сообщил мне урод. Он ясно дал понять, что претендует на моё тело. Я содрогнулась и прижала руки к животу. Нет, он не посмеет. А поцелуи... Как-нибудь переживу.

Меня тронули за локоть, и я обернулась на одного из охранников. Он взглядом указал на удобное кресло-каталку, и я со вздохом опустилась в него.

С Лютым возились долго. То перевозили его в заставленную медицинскими аппаратами комнату, то возвращали в палату, а мне приходилось всюду сопровождать его и даже соглашаться на халат.

«Где она, там и я».

Это ненадолго. Отец разберётся с нависшей над нами опасностью и, когда тот человек не будет угрожать нам, Лютый исчезнет из моей жизни.

– Ангел... – Лютый, очнувшись, схватил доктора и, сжав его руку так, что тот застонал от боли, прорычал: – Где девушка?!

Я вздрогнула и, ощутив, как сердце сделало кульбит и застряло в горле, мельком глянула на дверь, но там, конечно же, стоял охранник. Преодолев подпрыгнувшую к горлу панику, я медленно поднялась и произнесла как можно спокойнее:

– Там, где ты.

Подошла и, опираясь о кровать, склонилась над Лютым. Опалив его ненавидящим взглядом, положила ладонь на каменные мышцы его руки и процедила:

– Отпусти врача, пожалуйста.

Ложь давалась с трудом, но я хотела показать, что прекрасно умею притворяться, если надо. А мне до смерти надо. До смерти Лютого от рук моего отца. И после того, как минует угроза.

Я растянула губы, молясь, чтобы это было похоже на улыбку:

– Рада, что ты очнулся.

И, задержав дыхание, будто ныряя под лёд, прижалась своими губами к его.

Глава 20

{Лютый}

Мне показалось, что я вернулся в прошлое. Что это Мила пришла ко мне в больницу после аварии года четыре назад, наклонилась и коснулась губ.

– Я так скучал... – сказал на выдохе, потянулся, прижал ее затылок, смял волосы и прикрыл глаза. Любима-а-я...

По коже мчались разряды пульсирующего тока, кровь закипала. Втянув запах ее дыхания, я толкнул язык между зубов и стал жадно пить.

Она дёрнулась в моих объятиях, засопела, будто разозлилась, но не отстранилась, позволяя себя целовать. Но ответа я так и не дождался.

Глотал сладкую боль и медленно осознавал, что поцелуй горчит, плавит мне сердце, рвет душу. Чужой. Мертвый.

Оторвался от губ девушки и собрал в ладони ее лицо. Очнулся, пришел в себя. Не Мила это! Не она.

Кирсанова была жутко горячей, но очень бледной. Долго моргал и пытался понять, что мной двигает, почему я жутко горю по ней? Как могу видеть и думать одно, а чувствовать другое? Почему я вижу в ненавистной девке двойника своей покойной жены? Это несправедливо. Помешательство из-за тоски, не иначе, но сейчас нужно просто выжить, найти Сашку, спасти второго ребенка и скрыться. Так далеко, где не будет всех этих ублюдков.

Заметил, как быстро все покинули палату, оставив нас наедине, и снова посмотрел на девушку, что все еще оставалась в моих руках. Маленьким дрожащим комочком. А только что дерзила. Закончилась спесь?

– Не очень-то ты рада меня видеть, Мила...я, – я поперхнулся ядом слетевших слов. Милая была только одна, Кирсанова такой не станет. Пришлось прикрыть глаза, чтобы успокоить ураган в душе, не отстраниться, боясь прикосновений к токсичному для меня человеку, не отвернуться, не расплыться в брезгливом оскале. Играть роль до конца. Мерзкую ненавистную роль ее суженого.

Но я смогу. Ради детей пойду и не на такое.

Тихо и ровно сказал, мягко поглаживая ее влажные щеки большими пальцами:

– Ангелина, мы не в шашки играем, – почти утонул в ее синих глазах, когда сделал паузу. Не стоит туда смотреть. Она меня убивает, жалость вызывает, сука, потому я соскользнул ниже и оценил форму губ. Острый изгиб верхней, припухшая нижняя, чуткие уголки, в которых спряталась глубокая печаль и непокорная ярость. – Ненавидеть меня можешь, но держи это при себе, невеста. Даже наедине со мной ты будешь притворяться, потому что это должно врать в твоё нутро, иначе нас разоблачат. На кону наши жизни, ты это понимаешь?

Она дрогнула густыми ресницами, а я продолжал:

– Если сыграем недостаточно хорошо, Чех всех уберет, не пощадит. Этот человек не знает, что такое помиловать, простить или забыть ошибку. У него нет таких слов в лексиконе. Сделай над собой усилие, Ангелина, расслабься, открой губы, выдохни и разомкни кулаки – швы разойдутся! – опустил ладони и спрятал ее руки в своих. Она дрожала и молчала. – Я пью этот яд вместе с тобой, так что мы в равном положении. Потом можешь плевать да хоть рот прополоскать, только чтобы никто не видел, а сейчас покажи мне, как ты любишь и ценишь своего жениха. Покажи мне страсть. Как ты целуешь того, кто тебе не безразличен? Уж точно не как дохлая улитка. Язычком потрудись, детка, или Носов не научил тебя этому перед свадьбой?

– Не научил? – в изумлении выдохнула она и посмотрела зло. – Да никто и никогда меня не целовал, как... – Поперхнулась и отвела взгляд. Судорожно вдохнула и выдавила,

будто через себя переступила: – Как ты. Они были нежными. – Снова посмотрела и скривилась словно от зубной боли: – Не понимаю, что ты хочешь от меня.

Смогу ли нежность сыграть? Страсть – да, а ласку? Зараза!

От удара голова гудела, но я был так обколот и обезболен, что почти не чувствовал боль, что прошивала грудь. Та самая, что никогда не затихала. Выйдя из больницы, мы должны казаться парой. Нет, не казаться – быть, и, требуя от Кирсановой правдивой игры, должен и сам играть.

Наклонился, подобрал ладонью упавшие на плечо волосы Лины. Они прикрывали большой синяк и глубокую царапину. Я слегка коснулся ударенного места губами, передвинулся выше к уху и прошептал:

– Будет тебе нежность.

Губами ощутил дрожь, услышал судорожный вдох. Она сжалась, будто ожидала удара, на миг, но затем медленно подняла лицо и, закрыв глаза, подставила губы. Секунда, другая, а дыхания так и не уловил.

Подвинулся ближе, почти коснулся мягкой кожи. Хотелось напасть, растерзать, заставить ее задыхаться от жажды, такой же, как моя, но я ждал. Ждал долго, пока она не втянула воздух, сорвавшись, как птица с хрупкой ветки.

Язык коснулся мягкого податливого языка, переплелся, заскользил быстрее между зубов, раздвигая, пробираясь глубже. Нежность пыталась сорваться в ярость, но я ей не позволял. Пил отраву залпом, но не спешил лететь в пропасть. Успею. Изучал-пробовал девушку на вкус и давился жуткими противоречивыми эмоциями.

Два-три глотка, и мир поплыл ярко-алой рекой похоти. Я, блять, ее хочу.

Оторвался от девушки и, отодвинув ее от себя за плечи, встал. Стоял над ней, маленькой и беззащитной, и понимал, как это все смотрится. Мое нападение, насилие и остальное.

Бросился к выходу и, хватаясь за стену, добрался до уборной. Замер напротив зеркала. В глубине черных зрачков сверкало безумие и мое поражение. Что я наделал? Зачем трогал ее? Зачем согласился?

Думал, что месть Крысе избавит меня от черной дыры в груди.

Грохнул в сердцах кулаком по мойке, и она пошла трещинами.

– Да лучше б я сдох!

Глава 21

{Ангел}

Я смотрела на распахнутую дверь и не могла прийти в себя. То, что сейчас было, не укладывалось у меня в голове. Как может это чудовище... быть таким нежным?

Никто меня так не целовал, как Лютый – одновременно больно и мучительно изматывающе.

Никто не целовал меня с такой испепеляющей нежностью, оставляя после себя след сюрреализма. Будто тигр с изманной кровью добычи мордой решил понюхать розы.

Нет-нет! Мне показалось, что на миг я забылась. Утонула в кроваво-металлическом привкусе его жёстких губ или начала притворяться так хорошо, что обманула даже саму себя. Всего на мгновение. Значит, и того человека смогу обвести вокруг пальца. Лютый называл его Чехом.

В палату вошёл доктор и, недовольно хмурясь, положил передо мной лист.

– Это рекомендации. Но я бы советовал остаться в клинике ещё на несколько дней. И у вас состояние нестабильное, и у вашего...

– Мы уходим? – перебив, уточнила я и подняла листок с предписаниями. Пробежалась по записям и отметив, что для Лютого выписано в два раза больше лекарств, криво улыбнулась. – Отлично.

– Вы не должны перенапрягаться... – начал было доктор, но тут в палату стремительно ворвался Сергей.

Глянул на меня остро и, сухо кивнув, сообщил:

– Лютый ждёт в машине.

Я вздохнула и поднялась. Улыбнулась врачу:

– Прощайте.

Как ни повернётся судьба, вряд ли мы ещё встретимся. Я надеялась, что мой план по исчезновению Лютого из моей жизни сработает. Папа всё решит, главное, добраться до дома и всё ему объяснить. Я подавила паническую мысль о том, что, возможно, меня никто не искал, иначе люди из этой клиники узнали бы пропавшую дочь Кирсанова. Почему бездействует СМИ, полиция? Я не понимала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.